Современный консерватизм на Западе

По заказу Фонда ИСЭПИ

Основные положения
ИДЕЙНАЯ ПОВЕСТКА СОВРЕМЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА
Эволюция консервативной идеологии на Западе после 1991 года
Перерождение консерватизма: «консерватизм лишь по названию»
Раздробление консерватизма на отдельные направления
КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДА
Электоральные результаты мейнстримных консервативных партий
Мейнстримные консервативные партии и новые правые партии
Тенденции развития мейнстримных консервативных партий
Типология мейнстримных консервативных партий
Консерватизм в США
Медийные проекты американских консерваторов
Новые внепартийные консервативные движения на Западе
РОССИЯ В ЗАПАДНОЙ ПОЛЕМИКЕ О КОНСЕРВАТИЗМЕ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Большинство системных консервативных партий к настоящему времени разделяют идеологию неолиберального консенсуса. Исключениями в этом ряду являются Республиканская партия США, Христианско-социальный союз в немецкой Баварии и некоторые партии в странах Восточной Европы (Венгрия, Польша), которые сохраняют верность подлинной консервативной идеологии. За период после 1991 года консерваторы в идейном плане сильно сблизились со своими традиционными оппонентами – социал-демократами и левыми либералами.

В странах Западной Европы почти все мейнстримные консервативные партии фактически отказались от своей идеологии и лишь эксплуатируют бренд, которому привыкли доверять консервативно настроенные избиратели. Дальше всего процесс идеологического перерождения зашел в Великобритании, Нидерландах и странах Скандинавии, где мейнстримные консервативные партии высказались в поддержку однополых браков, то есть приняли антихристианские ценности леволиберального прогрессизма.

2. Среди основных тенденций развития мейнстримных консервативных партий на Западе выделяются:

– отказ от харизматического лидерства;
– приверженность идеологии консервативного либерализма;
– поддержка идей углубления евроинтеграции (в странах ЕС);
– акцент на экономической политике;
– обострение внутренних конфликтов и утрата части электората;
– усиливающийся вызов со стороны правых популистов и евроскептиков;
– сокращение численности членов партий;
– недостаточная эффективность коммуникаций с избирателями.

3. На Западе консервативная идеология и консервативное движение разделяются на ряд сильно различающихся направлений. Эти течения могут быть не связаны между собой или находиться в состоянии конфликта. Даже в одной стране консерваторы различных типов могут придерживаться диаметрально противоположных взглядов на один и тот же вопрос. К числу основных современных направлений можно отнести либеральный консерватизм (де-факто –

умеренный либерализм, преобладающий в платформах системных консервативных партий в странах ЕС), социальный и религиозный (преобладает в Республиканской партии США), национальный (характерен для европейских правых популистов) и политический.

4. Усиливается тенденция превращения консерватизма в идеологию протеста «локалов» против глобализации. В конфликте «глобалов» (сил, заинтересованных в углублении процесса глобализации) и «локалов» (сил, стремящихся укрепить суверенитет национальных государств)[1] почти все мейнстримные консервативные партии встали на сторону «глобалов», приняв их неолиберальную идеологию и связанные с ней постхристианские ценности. В этих условиях консервативно настроенные избиратели – «локалы» – всё больше обращаются за альтернативой к партиям правых популистов и евроскептиков. Собственно консервативная повестка, связанная с защитой традиционных ценностей, постепенно переходит от мейнстримных консерваторов к правым популистам. Таким образом, на Западе разворачивается процесс трансформации консерватизма в идеологию протеста «локалов».

5. Наметились правое и левое направления развития консерватизма в качестве протестной идеологии «локалов». Правое течение связано с позиционированием консерватизма как силы, противостоящей фундаментальным тенденциям развития современного Запада, включая насаждение в обществе постхристианских ценностей. В этом направлении консервативная идеология развивается сегодня прежде всего в США, где подобных взглядов придерживаются социальные консерваторы и «Партия чаепития» (Tea Party), которые определяют повестку Республиканской партии. Сторонники правого течения выступают против окончательного устранения общественных иерархий и полного разрыва с христианской религиозной традицией. Во многом их идеал – это реставрация американского общественного строя XIX века.

Левое течение стремится превратить консерватизм в движение большинства общества против доминирующих либеральных элит. Это направление активно заимствует социальную повестку и пытается объединить правых и левых, выступающих на стороне «локалов». Основой для консолидации является новое прочтение консерватизма – в качестве идеологии защиты интересов большинства как в социальных, так и в нравственных вопросах. Сильнее всего левое течение развито во Франции, где на эти позиции встал Национальный фронт после прихода к руководству партии Марин Ле Пен.

6. Результаты выборов 2008–2014 годов в целом демонстрируют тенденцию к сокращению поддержки мейнстримных консервативных партий. При этом в отдельных странах ситуация может существенно различаться. В одних случаях (например, в Германии) такие партии успешно удерживают позиции в национальной политике, в других (например, во Франции и в Великобритании) – испытывают сильное давление конкурентов и уже уступили им значительную часть избирателей. В настоящее время мейнстримные консервативные партии сохраняют лидирующую роль в США, Германии, Испании, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Венгрии, Польше. Напротив, серьезное ослабление позиций консерваторов наблюдается в таких странах, как Франция, Великобритания, Италия, Финляндия, Дания, Австрия.

7. Главная электоральная проблема мейнстримных консерваторов – правые популисты и/ или евроскептики. Выборы последних лет, особенно результат голосования в Европарламент в мае 2014 года, показали, что во многих странах ЕС правые популисты привлекают на свою сторону значительную часть избирателей, которых не устраивает фактический отказ систем-

[1] Термины «глобалы» и «локалы» для обозначения тех, чьи приоритеты связаны с наращиванием глобализации либо с укреплением отдельных национальных государств, ввел в оборот известный польско-британский социолог Зигмунд Бауман.

ных консерваторов от консервативной идеологии. Правые популисты и/или евроскептики оказывают сильное или хотя бы значительное электоральное давление на мейнстримные консервативные партии в таких странах, как Великобритания, Франция, Италия, Австрия, Дания, Норвегия, Финляндия, Нидерланды, Венгрия. При этом во Франции, Великобритании, Дании и Финляндии существует реальная вероятность того, что уже на следующих парламентских выборах правые популисты опередят консерваторов и лишат их статуса одной из двух главных партий в этих странах.

8. Ряд мейнстримных консервативных партий вынужден серьезно корректировать свой курс из-за давления со стороны правых популистов. В ряде случаев мейнстримные консерваторы пытаются перехватить наиболее популярные лозунги конкурентов справа, как это делает Консервативная партия Великобритании по отношению к идее референдума о выходе страны из ЕС, которую выдвинула Партия независимости Соединенного Королевства. Эффективной тактикой противодействия правым популистам стало включение их в состав коалиционных правительств на правах младших партнеров (как это сделано в Норвегии), что ведет к падению их рейтинга в глазах избирателей из-за невозможности выполнить самые привлекательные обещания.

9. В США Республиканская партия фактически перешла под контроль правых популистов из «Партии чаепития». Возникла уникальная ситуация, когда мейнстримная консервативная партия благодаря электоральному альянсу с правыми популистами фактически попала к ним в руки. За последние четыре года республиканцы оказались в полной зависимости от голосов приверженцев «Партии чаепития», лидеры которой теперь определяют повестку и программу. Успехам «Партии чаепития» способствует то, что ее руководители эффективно используют идеи основных направлений американского консерватизма и продвигают в Республиканской партии тех политиков, которые способны хотя бы отчасти объединить повестку различных консервативных течений. Под влиянием «Партии чаепития» идет трансформация Республиканской партии в аналог правопопулистских партий Западной Европы.

*10. Специфика американского консерватизма в том, что он сохранил собственно консервативную идеологию. В США консерватизм в гораздо меньшей степени затронут процессом идейно*го перерождения, типичного для мейнстримных консервативных партий Западной Европы. В результате Республиканская партия обладает сегодня развернутой консервативной идеологической платформой, включающей требования «минимального государства», максимальной свободы для бизнеса, обеспечения энергетической независимости США, поддержки традиционных моральных ценностей, сохранения американских конституционных прав и свобод.

11. Республиканская партия США имеет действительно консервативный характер благодаря массовым низовым движениям. Они препятствуют размыванию идеологической повестки, в результате их активности истеблишмент республиканцев даже при желании не может пойти по пути мейнстримных консервативных партий Западной Европы. Массовые низовые движения мобилизуют многочисленный консервативный электорат, без которого республиканцы не могут побеждать на выборах. Одновременно эти движения (прежде всего «Партия чаепития») за счет мобилизации своих приверженцев обеспечивают на праймериз республиканцев выдвижение только желательных для себя кандидатов, что стимулирует дрейф Республиканской партии в сторону подлинно консервативной идеологии.

12. Важнейшая составляющая американского консерватизма – развитая медиаинфраструктура. Это обстоятельство позволяет консерваторам многие годы успешно вести «культурные войны» с либералами, не допуская их полного доминирования в СМИ. Такие СМИ, как самый популярный в США кабельный телеканал “Fox News”, и такие культовые фи-

гуры, как Гленн Бэк, Раш Лимбо и Энн Коултер, распространяют и популяризуют консервативные взгляды среди десятков миллионов американцев. Без наличия целого ряда собственных сильных медиапроектов американских консерваторов уже постигла бы судьба мейнстримных консервативных партий Западной Европы, которые усвоили неолиберальную идеологию и постхристианскую морально-ценностную повестку.

13. Кризис мейнстримных консервативных партий Западной Европы открывает возможности для развития внепартийных консервативных движений. Наиболее ярким образцом такого рода пока является французское движение “Manif Pour Tous”, которое в 2012–2013 годах организовало массовые уличные выступления против принятия закона о введении института однополых браков. Опыт Франции показал, что внепартийные движения, не связанные политкорректностью и электоральными расчетами, могут оказаться весьма эффективным средством мобилизации приверженцев консервативных ценностей и даже колеблющейся части общества. Долговременным следствием активности таких движений является усиление электоральной поддержки правопопулистских партий (во Франции это Национальный фронт Марин Ле Пен), которые заявляют о себе как о защитниках традиционных моральных ценностей.

14. «Консервативный поворот» России вызывает крайне неоднозначное отношение среди консерваторов в США. Часть американских консерваторов, чьим самым ярким спикером является П. Бьюкенен, воспринимает президента В. Путина как единомышленника в борьбе за традиционные ценности и «лидера христианского консерватизма» во всем мире. Но большинство консерваторов дистанцируется от поддержки России, а также проявляет скепсис или явное отторжение в отношении консервативной риторики главы российского государства.

Однако американские консерваторы объективно вынуждены искать сильного лидера, способного в глобальном масштабе выступать против натиска либералов с их постхристианской идеологией. Это обстоятельство стимулирует рост симпатий консерваторов к Путину.

15. На Западе к сотрудничеству с консервативной Россией гораздо более склонны левые, а не правые консерваторы. Правое течение занимает сдержанную, а то и явно негативную позицию. Левое течение относится к России гораздо более дружественно. Консервативный месседж В. Путина находит на Западе отклик преимущественно в тех средах, где силен левый консерватизм с его идеей защиты большинства. Именно там возникает сочувствие к России как силе консервативной и в определенной степени ревизионистской по отношению к существующему либеральному миропорядку.

16. На Западе среди мейнстримных консерваторов симпатии к России сильно ограничены, зато пророссийские настроения процветают в лагере правых популистов и евроскептиков. Определенные симпатии к России и Путину в связи с «консервативным поворотом» нашей страны наблюдаются в тех мейнстримных партиях, в которых есть сильные фракции, сохраняющие приверженность подлинно консервативной идеологии. Представления о России как глобальном оплоте консерватизма и традиционных ценностей широко распространены в большинстве правопопулистских партий.

17. Администрация Обамы всерьез опасается роста симпатий к России и Путину среди западных консерваторов и намерена остановить эту тенденцию. В США уже вступила в действие «идеологическая полиция», которая тщательно фиксирует положительные высказывания о Путине в медиапространстве. В либеральных СМИ жесткой критике подвергаются все консерваторы, которые позитивно воспринимают обращение президента России к христианским ценностям Запада и Европы в целом. Особое внимание уделяется «разоблачению» в качестве союзников Кремля европейских правопопулистских партий, прежде всего французского Национального фронта.

Глава 1

Идейная повестка современного консерватизма

Эволюция консервативной идеологии на Западе после 1991 года

Последняя волна консерватизма на Западе имела место в 1980-х годах. Британия тогда дала миру тэтчеризм – новую консервативную модель реформирования социально-экономической сферы. Соединенные Штаты породили рейганизм с его приоритетом моральных ценностей и опорой на массовое консервативное движение «Моральное большинство». Ватикан выдвинул понтифика, который, как казалось, органично соединил верность базовым христианским ценностям с ответом на вызовы современности.

Однако после распада СССР и объявленного «конца истории» ситуация начала постепенно изменяться. Уже в 1990-х годах после появления во власти новой разновидности либералов вроде Билла Клинтона и Тони Блэра запрос на консерватизм на Западе снизился. Для США нормой стали «культурные войны» между либералами и консерваторами, в которых первые стали постепенно добиваться успехов – благодаря преобладанию в СМИ, массовой культуре и судебной системе.

С наступлением нового тысячелетия консерватизм на Западе, несмотря на президентство «сострадательного консерватора» Дж. Буша-младшего, стал ускоренно утрачивать свою специфику. В сфере экономики основные консервативные партии пришли к «неолиберальному» консенсусу со своими традиционными оппонентами в лице системных леволиберальных и социал-демократических партий. Например, в период экономического кризиса в ЕС, который начался в 2008 году, и консервативные, и социал-демократические партии повсеместно проводили политику жесткой бюджетной экономии, не предприняв серьезных усилий по поиску альтернативных решений.

В политической сфере западные консерваторы, например, стали поддерживать такие проекты, как «экспорт демократии» и «гуманитарные интервенции», хотя традиционная консервативная идеология в высшей степени скептично относилась к попыткам вооруженной силой «осчастливить» другие народы и не допускала возможности создания устойчивых демократий таким путем. В сфере моральных ценностей системные консервативные партии, за исключением Республиканской партии США, капитулировали под натиском постхристианской либеральной идеологии, смирившись с такими явлениями, как легализация однополых браков, а в некоторых случаях (Великобритания) и сами возглавили этот процесс.

Почти во всех странах Запада сложилась ситуация, когда традиционные консервативные партии, которые десятилетиями опирались на поддержку соответствующего электората, фактически отказались от консервативной идеологии. Под вывеской консерватизма выступают силы, более не имеющие отношения к его идеологии, а лишь эксплуатирующие бренд, которому долгое время привыкли доверять консервативно настроенные избиратели.

Типичная для Запада в XX веке политическая система была основана на управляемом конфликте между правыми (консервативными и либеральными) партиями, которые выражали интересы предпринимателей и собственников, и левыми (социал-демократическими) партиями, отстаивавшими интересы лиц наемного труда и бюджетополучателей. Сегодня на Западе изменяется ключевой общественный конфликт, порождающий партийную систему: *в XXI веке вместо конфликта правых и левых развернулся конфликт «глобалов» и «локалов», вызванный последствиями глобализации.* В этом конфликте почти все традиционные консервативные партии, пусть в ряде случаев и с оговорками, встали на сторону

«глобалов», хотя неолиберальная экономическая доктрина, концепция глобализации и связанные с нею постхристианские ценности противоречат консервативной идеологии.

Сегодня консерватизм на Западе переживает раздробление на части. Традиционные консервативные партии (кроме Республиканской партии США) фактически перестали быть таковыми, поскольку перешли на позиции неолиберализма. В результате консервативная идеология оказалась без привычного «политического носителя». Но нарастающий протест западных «локалов» против глобализации, следствием чего стали электоральные успехи новых партий в последние несколько лет на выборах в ЕС и США[1], открывает новые перспективы развития консервативной идеологии. Следует упомянуть два основных течения.

1. Правое течение – репозиционирование консерватизма как силы, противостоящей социальному прогрессу. В этом случае консерватизм становится реакцией на прогрессизм в духе Обамы и различные проекты социальной инженерии, основанные на постхристианских и антихристианских ценностях левого либерализма. Основным направлением консервативной идеологии становится критика и противодействие фундаментальным тенденциям развития современного Запада нарастающему вмешательству государства в экономику, выхолащиванию и бюрократизации демократии, насаждению постхристианской либеральной идеологии, покровительству меньшинствам под лозунгами достижения гендерного и этно-расового равенства.

В этом направлении консервативная идеология развивается прежде всего в США, где ее выражает целый ряд ярких публицистов (например, Энн Коултер, Гленн Бек, Раш Лимбо и др.), поддерживающих в Республиканской партии *социальных консерваторов* и *«Партию чаепития».* В ЕС наиболее близки к нему такие силы, как *Партия независимости Соединенного Королевства* (Великобритания) и *Партия свободы* (Нидерланды), которые в той или иной степени склоняются к идеям «малого государства» и симпатизируют либертарианству.

Сторонники данного течения выступают прежде всего против полного устранения всех общественных иерархий, включая преимущества тех или иных этнических, гендерных, сексуальных групп, а также против окончательного разрыва западного общества со своей религиозной традицией. Например, защита экономической свободы и «малого государства» есть производное от идеи защиты экономического, а в подтексте также и этнорасового, неравенства, которое хотели бы ликвидировать Обама и его сторонники. Борьба с легализацией однополых браков направлена на защиту американских религиозных традиций от тотальной секуляризации. В целом данное направление можно охарактеризовать как откат к XIX веку, как своего рода «коллективного западного Солженицына».

2. Левое течение – превращение консерватизма в движение большинства против либеральных элит. Сторонники этого подхода подчеркивают, что социальный прогрессизм, увеличение роли бюрократии (особенно в Европе) и постхристианскую моральную повестку Западу навязывают доминирующие либеральные элиты. Хотя их поддержка в обществе ограничена, они достигают своих целей за счет контроля над СМИ, системой образования, массовой культурой, крупными банками. В целях усиления своих позиций либеральные элиты также поощряют различные меньшинства (расовые, этнические, религиозные, сексуальные), роль которых сводится к уменьшению влияния традиционного большинства. Тем самым либеральные элиты изменяют общество к явной невыгоде большинства, создавая новые иерархии.

Противодействие описанным процессам ведет к сближению на новой основе части левых, которых интересует прежде всего защита большинства, и социальных консерваторов. В США в последние годы постоянно ведется дискуссия о «новом консерватизме» в виде лево-правого альянса против «новых элит» и «новых иерархий».

Фактически речь идет о консолидации правых и левых, выступающих на стороне

[1] В американском случае речь идет о «Партии чаепития» (Tea Party) – мощной фракции внутри Республиканской партии, поддерживаемой массовым низовым движением, которое стоит на позициях социального консерватизма и либертарианства.

«локалов», на общей идеологической платформе. Основой для нее станет новая версия консерватизма, ориентированного на защиту интересов большинства как в социальных, так и в морально-нравственных, ценностных вопросах. Например, эта перспектива является предметом диалога культовой фигуры традиционных левых Ральфа Нейдера с известным публицистом из лагеря традиционных правых Патриком Бьюкененом[1].

Наиболее сильным политическим игроком на Западе, стоящим на этих позициях, является французский Национальный фронт, который перешел на них после прихода к руководству партией Марин Ле Пен. Линия на защиту интересов большинства обеспечила Национальному фронту приток новых избирателей, ранее поддерживавших левых, и серию громких электоральных успехов – вплоть до победы на выборах в Европарламент в мае 2014 года, когда партия Ле Пен стала лидером при голосовании во Франции.

Перерождение консерватизма: «консерватизм лишь по названию»

В течение последней четверти века в оболочке мейнстримных консервативных партий много где на Западе вызревали постхристианские либеральные силы, до поры до времени эксплуатирующие традиционную консервативную риторику ради получения голосов на выборах. Многие такие партии, сохраняя консервативное позиционирование, открыто продвигают постхристианские либеральные ценности либо, слегка замаскировав, интегрируют их в собственную повестку. Например, в Норвегии правящие консерваторы из партии «Хёйре» поддерживают однополые браки, усыновление детей гомосексуальными парами и участие страны в евроинтеграции. По мнению редактора итальянского журнала «Культура и идентичность: журнал консервативных исследований» (“Cultura & Identità: Rivista di studi conservatori”) профессора истории Оскара Сангуинетти, многие современные консервативные партии заслуживают эпитета «так называемые», поскольку давно оставили истинно консервативные позиции в вопросах абортов, эвтаназии, молодежной культуры, разводов и пр.[2].

Так, Дэвид Кэмерон, став лидером Консервативной партии Великобритании, обещал ее модернизировать. Очевидно, он предполагал, что сможет привлечь на свою сторону так много умеренных избирателей, что утрата части традиционалистов не повлияет на результат политической борьбы, к тому же, последним всё равно некуда больше податься. Партия избегала обсуждения вопроса массовой иммиграции, зато либерально подошла к вопросу однополых браков. То, что в результате модернизации получилось у Кэмерона, в Британии назвали просто – «неконсервативной партией»[3]. В итоге на фоне развернувшегося экономического кризиса усилилось влияние Партии независимости Соединенного Королевства, чьи идеи оказались более привлекательными для многих консервативно настроенных избирателей.

Дальше всего процесс перерождения мейнстримных консервативных партий зашел в Великобритании, Нидерландах и странах Скандинавии, где они высказались в поддержку такого важного элемента постхристианской повестки, как легализация однополых браков. В ряде стран, например в Нидерландах, постхристианскую повестку усвоили и местные правые популисты («Партия свободы» Герта Вилдерса). Эта сила, высказываясь за жесткое ограничение иммиграции и сохранение культурной идентичности Европы, в то же время с энтузиазмом поддерживает однополые браки, эвтаназию и право

[1] Ralph Nader: Conservatively Speaking // The American Conservative. June 21, 2004. URL: http://www.theamericanconservative.com/articles/ralph-nader-conservatively-speaking/

[2] *Sanguinetti, Oscar.* Where is the Conservative Movement in Europe? // Reflections. A New Generation of Conser-vative Thought. December 2010. Vol. II. No. 2. URL: http://www.ebireflections.com/2/2/Sanguinetti.xhtml

[3] *Booker, Christopher.* Tories Feel Betrayed by Their Contemptuous Leaders // The Telegraph. 18 Jan 2014. URL: http://www.telegraph.co.uk/news/politics/conservative/10581628/Tories-feel-betrayed-by-their-contemptuous-leaders.html

на аборт. В ряде отношений Партия свободы идет дальше, чем мейнстримные консерваторы. «Народная партия за свободу и демократию» провозглашает нейтральное отношение к религии – Вилдерс же позиционирует себя как агностика, симпатизирующего иудаизму, что не позволяет заподозрить его в защите христианских ценностей.

В указанных выше странах политические силы, желающие оставаться на позициях традиционного консерватизма, фактически уже подвергаются гонениям со стороны государства. Например, в Нидерландах небольшая Реформистская партия[1], которая в соответствии с библейским учением высказывается против участия женщин в выборах, из-за этого в 2012 году была лишена государственного финансирования в связи с нарушением ею конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации женщин. В том же году партия обратилась с иском в Европейский суд по правам человека, ссылаясь на то, что решение правительства Нидерландов нарушает право на свободу слова и право на свободу собраний, однако суд отклонил эту жалобу[2].

На таком фоне *собственно консервативная повестка, связанная с защитой традиционных ценностей, переходит к партиям правых популистов.* Они не только выражают скепсис в отношении путей развития Запада, критикуют правящие элиты за игнорирование проблем граждан и призывают к ограничению иммиграции – в большинстве своем они высказываются и за сохранение христианского наследия, против однополых браков, эвтаназии и свободы абортов.

Хотя в США позиции у приверженцев консервативной идеологии значительно более сильные, чем в Западной Европе, *проблема перерождения консерватизма не обошла стороной и Америку*. В Соединенных Штатах тех политиков, кто позиционирует себя как консерватора, но допускает действия или высказывания, не совместимые с консервативной идеологией, принято называть «консерватор лишь по названию» (CINO – Conservative In The Name Only). Хотя этот лагерь представляет собой явное меньшинство среди республиканцев, он тесно связан с традиционным либеральным истеблишментом Республиканской партии из северо-восточных штатов, который озабочен утратой влияния на партию. У «притворных» консерваторов есть свои яркие политики, например, губернатор штата Нью-Джерси Крис Кристи, репутация которого, правда, сильно пострадала из-за скандалов в начале 2014 года.

Позиция консервативного большинства Республиканской партии по отношению к «консерваторам лишь по названию» весьма неоднозначна. Игнорируются политизированные либеральные группы, такие как «Республиканцы за право на выбор» (Republicans For Choice)[3] и «Республиканцы за Обаму» (Republicans For Obama)[4]. Однако предпринимаются попытки выстроить отношения с теми республиканцами, которые поддерживают идею защиты прав ЛГБТ-сообщества, то есть с группами Log Cabin и GOProud. Считается, что таким образом республиканцы смогут привлечь финансирование со стороны могущественного гей-лобби и осложнить фандрайзинг своих конкурентов из Демократической партии. Начиная с 2011 года, сотрудничество с GOProud успешно курирует знаменитая консервативная публицистка Энн Коултер, которой удалось добиться того, что эта часть ЛГБТ-сообщества спонсирует партийные мероприятия республиканцев и высказывается за ограничение законных оснований для совершения аборта. Тактически выгодное сотрудничество с гей-лобби создает предпосылки для постепенного размывания консервативной идеологии Республиканской партии.

[1] На последних выборах набрала 2,1% голосов и получила три места в парламенте.

[2] Gender equality and religious freedom in politics; Dutch SGP case declared inadmissible // Strasbourg Observers, July 23, 2012. URL: http://strasbourgobservers.com/2012/07/23/gender-equality-and-religious-freedom-in-politics-dutch-sgp-case-declared-inadmissible/

[3] Группы феминисток, отстаивающих право на свободу абортов.

[4] Поддерживают леволиберальный курс нынешнего президента США. Одним из лидеров этого течения является бывший государственный секретарь Колин Пауэлл.

Раздробление консерватизма на отдельные направления

Сегодня в западных странах консервативная идеология и консервативное движение разделились на ряд течений, которые слабо связаны между собой (в основном в связи с участием в выборах в рамках одной партии) или же находятся в состоянии конфликта. Консерваторы разных типов даже в одной стране могут исповедовать диаметрально противоположные взгляды по разным политическим вопросам. Например, мейнстримные консерваторы и социальные консерваторы занимают различные позиции по отношению к легализации однополых браков; неоконсерваторы и палеоконсерваторы совершенно по-разному видят приоритеты внешней политики США и пр.

Мейнстримные консервативные партии (особенно в Западной Европе) все чаще присваивают себе повестку либеральных, правопопулистских и даже левых партий. Фактически каждый раз, когда речь идет о «консервативной партии», необходимо выяснять, какова ее программа и насколько она соответствует собственно консервативной идеологии.

Либеральный консерватизм

Это идеологическое направление преобладает в платформах большинства мейнстримных консервативных партий в странах ЕС. Фактически речь идет об умеренном либерализме, который ради сохранения электоральных позиций заинтересован в лейбле «консерватизм».

Либеральный консерватизм сосредоточен на экономических вопросах, он уделяет основное внимание обеспечению экономического роста, развитию конкуренции, уменьшению участия государства в экономике, обеспечению благоприятных условий для ведения бизнеса и стимулированию предпринимательской инициативы[1]. Данное течение допускает умеренную социальную поддержку населения со стороны государства, но высказывается против протекционизма и массированного государственного вмешательства в экономику. В целом либеральный консерватизм придерживается экономической программы неолиберализма и стремится если не к ликвидации «государства всеобщего благосостояния», то по крайней мере к существенному ограничению социальных затрат и предотвращению их дальнейшего роста.

Хотя сторонники этого направления нередко используют риторику о национальных традициях и культурном наследии, в морально-нравственных вопросах они занимают весьма либеральную позицию. Нередко, как, например, в странах Скандинавии, они одобряют легализацию однополых браков и некритически заимствуют экологическую повестку.

Сторонники данного течения полностью преобладают, например, в Консервативной партии Великобритании. Даже самое консервативное ее крыло (так называемая Cornerstone Group), декларируя приверженность Англиканской церкви и семейным ценностям, допускает саму возможность совершения абортов по свободному выбору женщины и выступает лишь за ограниченный пересмотр иммиграционного законодательства.

Социальный консерватизм

Данное направление концентрируется прежде всего на сохранении традиционных моральных ценностей. В их число входят: укрепление семьи, законодательное определение брака только как союза между мужчиной и женщиной, максимальное ограничение оснований для совершения абортов, противодействие легализации эвтаназии и усыновлению детей однополыми парами.

Социальный консерватизм играет огромную роль в США, где он является основой идеологической платформы Республиканской партии и обеспечивает ей поддержку со стороны консервативно настроенного электората. Напротив, для мейнстримных консервативных партий стран Западной Ев-

[1] *Diamond, Patrick*. The New ‘Progressive’ Conservatism is a Threat to the Centre-Left // New Statesman. Septem-ber 8, 2013. URL: http://www.newstatesman.com/international-politics/2013/09/new-progressive-conservatism.

ропы социальный консерватизм в лучшем случае представляет собой второстепенную составляющую их риторики (например, для французского Союза за народное движение). В худшем случае мейнстримные консерваторы Европы открыто порывают с поддержкой традиционных ценностей христианского происхождения, замещая их постхристианской либеральной повесткой, как это сделала Консервативная партия Великобритании. Сегодня в странах Западной Европы поддержка идей социального консерватизма – удел правых популистов или небольших нишевых партий. Против социального консерватизма действуют социокультурные и демографические тенденции: под влиянием масс-медиа молодые поколения в Европе и Америке придерживаются значительно более либеральных взглядов, чем их родители. Так, и в консервативной Америке, и в достаточно религиозной Финляндии легализацию однополых браков поддерживают прежде всего более молодые группы населения.

Религиозный консерватизм

Это течение, как правило, тесно переплетается с социальным консерватизмом. В реальности идеи социального и религиозного консерватизма, особенно в США, часто разделяют одни и те же люди. В данном вопросе между Америкой и Европой существуют очень большие различия. В США религиозные консерваторы со своей повесткой играют большую роль в Республиканской партии еще с 1970–1980-х годов, когда они стали одной из важнейших групп республиканского электората. Поэтому в Соединенных Штатах и возможны попытки религиозных консерваторов уже в наше время добиться запрета на преподавание теории Дарвина и концепции эволюции в учебных заведениях некоторых штатов и городов.

В Западной Европе повестка религиозного консерватизма, напротив, почти ушла из программ мейнстримных консервативных партий. Они в лучшем случае ограничиваются мало к чему обязывающей риторикой о христианских корнях и христианском культурном наследии Европы, избегая конкретизации этих установок в политической программе. Те мейнстримные консерваторы, которые играют ведущую роль в политике стран Западной Европы, избегают акцента на религиозных вопросах. Такой линии под руководством Ангелы Меркель придерживается Христианско-демократическая партия Германии, которая неофициально выступает образцом для подражания для большинства мейнстримных консерваторов Западной Европы. Например, в Дании правящая консервативная партия «Венстре», выступая за сохранение консервативных ценностей, в то же время призывает к отделению церкви от государства и введению свободы вероисповедания.

Традиционные же консервативные партии, подчеркивающие значение религиозной проблематики, сталкиваются с электоральным упадком и превращаются в маловлиятельные нишевые структуры, как например, Реформистская партия в Нидерландах и Христианско-демократическая партия в Швеции. Правые популисты и евроскептики, которые столь успешно перехватывают консервативную повестку и привлекают консервативно настроенных избирателей, как правило, весьма сдержанно относятся к религиозному консерватизму. Примером служит французский Национальный фронт, который делает акцент на необходимости сохранения светского характера государства и дистанцируется от ассоциаций с теми или иными конфессиями, хотя значительная часть ядерного электората партии – верующие католики.

Сегодня религиозный консерватизм напрямую успешно участвует в партийной политике только в США и некоторых странах Восточной Европы (прежде всего в Польше), где оказывает существенное влияние на повестку мейнстримных консервативных партий и может с их помощью добиваться ряда своих целей. Напротив, в странах Западной Европы сторонники этого направления вынуждены искать новые формы политического участия с помощью организации непартийных общественных движений вроде французского “Manif Pour Tous”, оказавшегося весьма эффективным способом мобилизации консервативно настроенной части общества.

Национальный консерватизм

Приверженцы этого типа консерватизма стремятся в первую очередь к защите национального суверенитета в условиях глобализации и евроинтеграции (в странах ЕС). Национальный консерватизм преследует такие цели, как ограничение иммиграции этнически и культурно чуждого населения, сохранение национальной идентичности и связанных с ней традиций, обеспечение максимально возможной степени независимости своего государства в современном мире.

С национальным консерватизмом тесно связаны идеи экономического национализма и протекционизма, предусматривающие масштабное государственное вмешательство в экономику и политику защиты внутреннего рынка от неограниченной конкуренции извне.

Национальный консерватизм очень широко распространен в Республиканской партии США. На протяжении длительного времени многие влиятельные политики-республиканцы настаивают на приоритете суверенитета и законодательства Соединенных Штатов над международными соглашениями и теми обязательствами, которые накладывает на Америку участие в международных организациях. Их усилия достаточно эффективны: национальным консерваторам удалось заблокировать участие США в ряде международных соглашений (например, добиться отказа Вашингтона ратифицировать Киотский протокол по глобальному контролю климата).

В Европейском союзе национальный консерватизм сегодня, как правило, принимает форму евроскептицизма. Базовыми идеями этого направления являются: защита национальной идентичности и культуры, передача полномочий от евробюрократии отдельным государствам (вплоть до выхода из состава ЕС), приоритет решений национального государства над решениями властей ЕС, расширение социально-экономической самостоятельности своей страны (вплоть до отказа от евро) и более эффективное противодействие миграции (включая выход из Шенгенского соглашения).

Почти все мейнстримные консервативные партии[1] поддерживают углубление евроинтеграции, поэтому в Западной Европе сторонники национального консерватизма, как правило, связаны с партиями правых популистов и евроскептиков. Наиболее яркий пример национального консерватизма этого типа – французский Национальный фронт. Партия Марин Ле Пен, кроме борьбы с иммиграцией, выступает за поддержку традиционных ценностей и семьи, сохранение национальной культуры, масштабные социальные программы в духе «государства всеобщего благосостояния», независимую от США, НАТО и ЕС внешнюю политику, активное государственное вмешательство в экономику и протекционизм в отношении национальных производителей в духе политики де Голля в 1960-х годах.

Политический консерватизм

Наиболее слабо на Западе сегодня представлен политический консерватизм – направление, которое фокусирует свое внимание на вопросах политической организации общества, а не на темах экономики и общественной морали. Данная ситуация сложилась после 1945 года, когда захват США мирового лидерства сделал в западных странах уделом маргиналов отстаивание иных форм политического устройства, кроме демократии. В этом кардинальное различие с первой половиной XX века, когда многие консервативные партии и движения Европы выступали за создание политических систем, серьезно отличающихся от западной либеральной демократии.

В настоящее время различные консервативные силы в Европе не ставят вопрос о коррекции демократической политической системы. Мейнстримные консервативные партии просто не видят здесь проблемы. Правые популисты и евроскептики делают акцент на необходимости укрепления демократической политической системы на национальном уровне за счет возврата многих

[1] Исключение – Консервативная партия Великобритании, где национальные консерваторы сильны и успешно продвигают идею проведения референдума о выходе из ЕС.

полномочий, ранее переданных евробюрократии. Риторика правых популистов носит радикально демократический характер, они широко используют тезис, что элиты (включая политический истеблишмент мейнстримных консервативных партий) «предали демократию».

В Соединенных Штатах критика политической системы консерваторами также вдохновляется идеями усиления демократии за счет децентрализации власти. Американских консерваторов объединяет стремление к сокращению прерогатив «большого правительства» – федеральной власти в Вашингтоне путем расширения полномочий штатов и органов местного самоуправления. На данных позициях стоит «Партия чаепития» – а именно эта фракция, объединяющая социальных консерваторов, правых популистов и либертарианцев, сегодня оказывает наибольшее влияние на повестку мейнстримной консервативной Республиканской партии. Идеалом консервативных критиков в США является приближение к опыту американской демократии XIX века, а не внедрение иных форм политического устройства общества. Отдельные проекты ревизии демократии как политической системы носят элитарный характер (как, например, идеи миллиардера Николаса Берггрюена о конвергенции западной демократии и китайской автократии в новую мировую политическую систему – меритократию). Влияние подобных идей на Западе весьма ограничено, и они не востребованы в публичной (прежде всего электоральной) политике. Так, одной из главных причин вытеснения неоконсерваторов из Республиканской партии стал их элитаризм. Они подчеркивали, что хотя демократия является наиболее предпочтительной формой политического устройства, она несет с собой риск чрезмерного вовлечения граждан в политику и связанной с этим нестабильности – и поэтому демократия должна быть уравновешена безусловным преобладанием элит в деле управления обществом.

Глава 2

Консервативные партии и движения в странах Запада

Электоральные результаты мейнстримных консервативных партий

Выборы глав государств, депутатов национальных парламентов, Европарламента и органов местного самоуправления на протяжении последних лет продемонстрировали неоднозначную для мейнстримных консервативных партий картину. Одни – например, германские ХДС/ХСС – удерживают лидирующие позиции в политике своих стран, другие – например, британская Консервативная партия – испытывают сильное давление со стороны политических новичков и уже уступили им значительную часть «своего» электората. В целом в ЕС политический вес мейнстримных консервативных партий с начала в 2008 году экономического кризиса сократился, причем в некоторых странах весьма существенно.

В США Республиканская партия потерпела поражения на президентских выборах в 2008 и 2012 годах. Но благодаря «Партии чаепития» республиканцы выиграли выборы в Конгресс в 2010 и 2012 годах и сохраняют контроль над его нижней палатой, уже три с половиной года блокируя большинство законодательных инициатив президента-демократа Обамы. Новые промежуточные выборы в Конгресс США в ноябре 2014 года дадут ответ на вопрос, сохранила ли еще Республиканская партия потенциал для успешной борьбы за президентское кресло в 2016 году?

Можно констатировать, что в последние годы главной электоральной проблемой для мейнстримных консервативных партий стали успешные новые партии, использующие риторику правого популизма, протеста против истеблишмента и/или евроскептицизма. В Европе новые партии в состоянии привлечь к себе значительную часть избирате-

лей, которых не устраивает фактический отказ традиционных консервативных партий от собственно консервативной идеологии. В США Республиканская партия не сталкивается с этим вызовом, так как сумела довольно успешно включить в себя правопопулистское движение «Партия чаепития», ставшее одной из главных составляющих электората республиканцев.

Давление новых партий достигло такой степени, что в ряде западных стран мейнстримные консервативные партии оказались перед необходимостью серьезно скорректировать свой курс путем перехвата ряда лозунгов новых партий (Великобритания) или же интеграции их в свои ряды (США). Эффективность этой стратегии в одних случаях очевидна (США), в других сомнительна (Великобритания). Но ясно, что при определенных обстоятельствах отказ идти на подобные маневры (как, например, во Франции) подрывает электоральные позиции традиционных консервативных партий.

Великобритания

Консервативная партия выиграла парламентские выборы в 2010 году, получив 306 мандатов из 650, и с тех пор ее лидер, премьер-министр Дэвид Кэмерон, управляет страной благодаря правительственной коалиции[1] с Партией либеральных демократов. Однако вскоре после выборов популярность консерваторов стала ощутимо снижаться, что было обусловлено неспособностью правительства преодолеть затяжной социально-экономический кризис и справиться с проблемой иммиграции. Деятельность кабинета министров осложняют серьезные разногласия между партнерами по коалиции: например, либеральные демократы настроены проевропейски, а многие тори (не менее 40%) выступают за выход из ЕС.

В результате Консервативная партия в мае 2012 и мае 2013 года проиграла частичные выборы в местные органы власти. При этом в минувшем году большого успеха добилась Партия независимости Соединенного Королевства (UKIP, лидер – Найджел Фарадж), получившая 23% голосов и 147 депутатских мандатов[2]. Эту тенденцию закрепили выборы в Европарламент в мае 2014 года, на которых партия заняла первое место (27,5% голосов, 24 мандата), при том что Консервативная партия – только третье (23,6% голосов, 19 мандатов).

Консерваторы оказались в сложном положении. Неудачная политика правительства Кэмерона ведет к дальнейшему уменьшению их рейтинга накануне парламентских выборов 2015 года. К Партии независимости во все большей степени переходит базовый электорат тори[3], разочарованный отходом[4] руководства партии от консервативных позиций. Еще до выборов в Европарламент прогноз на парламентские выборы 2015 года обещал Партии независимости третье место по количеству набранных голосов[5]. Нельзя исключать, что через год Кэмерон будет иметь единственную возможность сформировать новое правительство лишь в коалиции с Партией независимости.

Поскольку Консервативная партия терпит тяжелые поражения от евроскептиков и правых популистов, руководство консерваторов ищет решение своих проблем в заимствовании ключевых идей Партии независимости. Премьер-министр Кэмерон высказался за

[1] Нынешнее правительство Великобритании – первый коалиционный кабинет министров после окончания Второй мировой войны в 1945 году.

[2] Это серьезное достижение, так как в Великобритании применяется мажоритарная избирательная система относительного большинства, крайне неблагоприятная для новых и малых партий.

[3] Local Elections: Ukip and Respect Gain Ground // The Telegraph, 4 May 2012. URL: http://www.telegraph.co.uk/news/politics/local-elections/9245045/Local-elections-Ukip-and-Respect-gain-ground.html

[4] Например, консервативное правительство Кэмерона добилось принятия парламентом закона об однополых браках. Напротив, Партия независимости выступила решительно против этого закона, в отличие от основных традиционных партий Великобритании.

[5] Local Elections 2013: Nigel Farage's Ukip Surges to Best Ever Showing, Winning 150 Seats // The Telegraph, 3 May 2013. URL: http://www.telegraph.co.uk/news/politics/ukip/10036463/Local-elections-2013-Nigel-Farages-Ukip-surges-to-best-ever-showing-winning-150-seats.html

проведение референдума о выходе Великобритании из ЕС и призвал лишить права свободного передвижения внутри ЕС граждан бедных стран Восточной Европы, которые мигрируют в Западную Европу в поисках работы и социальных пособий. Хотя пока Кэмерон обещает провести референдум о выходе из ЕС только в 2017 году, не исключено, что ради повышения рейтинга своей партии ему придется заимствовать еще одно требование Партии независимости – о проведении этого референдума уже в 2015 году, вместе с очередными парламентскими выборами.

Испытывая сильнейшее электоральное давление со стороны Партии независимости, консерваторы вступили на путь использования ее повестки – радикального евроскептицизма и жесткой борьбы с иммиграцией. Консервативная партия ради выживания постепенно отказывается от преобладавшей в ней идеологии «неолиберального консенсуса», сдвигаясь к защите интересов британских «локалов». Поможет ли эта стратегия консерваторов, или наоборот, лишь ускорит восхождение их главного конкурента в лице Партии независимости, покажут парламентские выборы 2015 года.

Франция

Неудачное правление Николя Саркози привело к тому, что он сам проиграл президентские выборы в мае 2012 года[1], а его партия «Союз за народное движение» потерпела поражение на парламентских выборах[2] в июне того же года. Эти выборы были отмечены переходом значительного числа избирателей от традиционных консерваторов к Национальному фронту, который под руководством Марин Ле Пен превратился в правопопулистскую партию, сочетающую требования правых и левых.

К счастью для Союза за народное движение, правление президента-социалиста Франсуа Олланда оказалось еще менее удачным – за два года он и его партия почти полностью утратили популярность за пределами базового электората (15–20% избирателей). Эксплуатируя неудачливость правящей партии, Союз за народное движение в определенной мере восстановил свою популярность, а Саркози, вернувшийся на второе место в рейтингах, планирует участвовать в президентских выборах в 2017 году.

Вместе с тем нынешняя поддержка Союза за народное движение держится на довольно шатком основании. Хотя партия выиграла большинство частичных местных выборов в 2013 и 2014 годах, она испытывает сильное электоральное давление со стороны популистов и евроскептиков из Национального фронта. Это еще раз продемонстрировали выборы в Европарламент, на которых Национальный фронт набрал 24,85% голосов (24 места), тогда как Союз за народное движение получил 20,8% голосов (20 мест). Начиная с 2013 года, в ряде социологических опросов Марин Ле Пен также занимает первое место: она уверенно опередила бы Саркози, в случае если бы президентские выборы прошли в ближайшее время.

Местные выборы 2013 и 2014 годов показали, что популярность Национального фронта выросла до такой степени, что он стал одерживать победы в рамках крайне неблагоприятной для него избирательной системы, применяемой во Франции[3]. Представители Национального фронта уже выиграли мэрские выборы в ряде городов и имеют неплохие шансы в значительном числе пройти во французский парламент. Всё это связано

[1] Проиграл во втором туре, набрав 48,36% голосов.

[2] На парламентских выборах 2007 года Союз за народное движение завоевал 313 мест из 577 в нижней палате парламента Франции, а в 2012 году ему досталось лишь 194 места (по сравнению с 280 мандатами у Социалистической партии).

[3] Во Франции с 1986 года применяется мажоритарная система абсолютного большинства, которая, как правило, приводит к голосованию в два тура по одномандатным округам. Она была введена специально для противодействия Национальному фронту. Если его кандидат проходил во второй тур, то социалисты и правые объединялись против него вокруг наиболее сильной кандидатуры одной из двух главных партий в рамках так называемого Республиканского фронта. Такая избирательная система и такая стратегия вплоть до 2012–2013 годов надежно блокировали доступ во французский парламент представителей Национального фронта.

прежде всего с «миграцией» к партии Ле Пен части электората Союза за народное движение, что угрожают сократить представительство во власти традиционных французских консерваторов.

Переход избирателей от Союза за народное движение к Национальному фронту обусловлен в том числе тем, что программа французских консерваторов во многом не удовлетворяет их прежних сторонников, которым становятся ближе более радикальные и решительные идеи Ле Пен. Например, если Союз за народное движение обещает стимулировать экономический рост и бороться с безработицей, то Национальный фронт призывает вернуться к полноценному протекционизму, подобно тому, как это делал в 1960-х годах президент де Голль.

Традиционные консерваторы высказываются за интеграцию и ассимиляцию иммигрантов, а правые популисты Ле Пен призывают к максимально жесткому ограничению иммиграции из мусульманских стран. Обе партии апеллируют к традиционным моральным и культурным ценностям, но партия Ле Пен делают это более последовательно. Например, и Союз за народное движение, и Национальный фронт выступили против введения во Франции однополых браков. Но почти все традиционные консерваторы воздержались в феврале 2014 года при голосовании в парламенте закона о равенстве мужчины и женщины, который отменял ограничения на аборт, – а их конкуренты боролись против его принятия.

Союз за народное движение твердо высказывается за дальнейшее развитие европейской интеграции. На фоне роста поддержки идей евроскептицизма электорально более выигрышной является позиция Национального фронта, который уже длительное время призывает к выходу страны из зоны евро, денонсации шенгенских соглашений, восстановлению таможенных границ, обретению Францией большей степени независимости от ЕС и международных организаций за счет возврата к принципу приоритета национального законодательства. В условиях нарастающего кризиса французской политической системы и процесса евроинтеграции все большую популярность приобретают призывы Национального фронта укрепить суверенитет Франции, вернувшись к традициям де Голля. Речь идет о независимой и сбалансированной внешней политике, хороших отношениях с Россией, масштабных социальных расходах, активном государственном вмешательстве в экономику и протекционизме для защиты французских производителей.

Мейнстримная консервативная партия «Союз за народное движение» находится в сложном положении: она продолжает уступать своих избирателей Национальному фронту. Попытки заимствовать отдельные идеи НФ, в первую очередь, антииммигрантскую риторику, не приносят видимого успеха. Хотя Союз за народное движение готов обсуждать угрозы, связанные с иммиграцией и исламским экстремизмом, его конкретные предложения всегда выглядят слабыми на фоне ясных и решительных лозунгов Ле Пен.

В то же время Союз за народное движение не может заключить альянс с Национальным фронтом, чтобы «удушить его в дружеских объятиях». Основная партия французских консерваторов скована политической традицией, идущей с 1980-х годов, согласно которой системные партии должны совместно бороться с Национальным фронтом и удерживать его в маргинальном спектре. К тому же над Союзом за народное движение довлеют негативные воспоминания о неудачном президентстве Саркози и связанных с ним коррупционных скандалах, в результате чего партия утратила в глазах очень многих избирателей образ реальной альтернативы социалистам.

Италия

Мейнстримные консервативные силы в Италии переживают глубокий кризис после заката в 2012–2013 годах политической карьеры Сильвио Берлускони и распада его правоцентристской политической коалиции. На последних парламентских выборах в феврале 2013 года коалиция Берлускони еще набрала 29,2% голосов на выборах нижней палаты и 30,7% голосов на выборах верхней палаты. Но из-за особенностей итальянско-

го избирательного законодательства[1] представительство депутатов правоцентристской коалиции не позволяет ей противодействовать работе большинства – депутатов от левоцентристской коалиции «Италия. Общее благо»[2], которая на самих выборах набрала лишь немногим больше голосов.

Коалицию Берлускони уничтожил конфликт между ним и секретарем его партии «Народ свободы» Анджелино Альфано, когда летом 2013 года Берлускони неудачно попытался спровоцировать правительственный кризис, чтобы избежать суда за неуплату налогов. В результате в сентябре 2013 года он объявил о самороспуске «Народа свободы» и воссоздании своей прежней партии «Вперед, Италия!». Вместе с Берлускони остались 98 депутатов нижней палаты (21,6% ее членов), которые не в состоянии серьезно влиять на расклад сил в парламенте.

Сегодня перспективы мейнстримного консервативного движения в Италии более чем туманны. Берлускони стар и дискредитирован, ему на смену не пришел сильный лидер, а сами консерваторы в результате ряда политических кризисов и неудачи на выборах фактически вытеснены на обочину итальянской политики. Возможности для поворота к популизму закрыты в результате взлета внепартийного движения «Пять звезд», которое сегодня является второй силой в национальной политике и более чем успешно эксплуатирует повестку популизма и евроскептицизма.

Новым доказательством кризиса мейнстримных консервативных сил стали итоги выборов в Европарламент в мае 2014 года. Партия Берлускони «Вперед, Италия!» набрала 16,8% голосов (13 мест) по сравнению с 35,3% голосов (29 мест), которые на минувших выборах собрала партия «Народ свободы»[3]. Союзники Берлускони из регионалистской партии «Лига Севера», стоящей на позициях евроскептицизма, также ухудшили результаты, набрав 6,2% голосов (5 мест) вместо 10,2% голосов (9 мест).

Итальянский мейнстримный консерватизм пока не имеет очевидных путей выхода из кризиса. Его идеология, основанная на сочетании христианско-демократических идей, обещаний сохранить национальную идентичность, обуздать нелегальную иммиграцию и этническую преступность, утратила привлекательность для подавляющего большинства итальянских избирателей. Приверженность идеям углубления европейской интеграции не дает партии «Вперед, Италия!» сыграть на росте популярности евроскептицизма, к тому же эта ниша уже успешно занята движением «Пять звезд».

Германия

Христианско-демократический союз (лидер – канцлер Ангела Меркель) и его главный союзник в лице Христианско-социального союза в Баварии остаются ведущей политической силой в современной Германии. На парламентских выборах 2013 года альянс ХДС/ХСС получил 41,5% голосов (311 из 631 места в Бундестаге), резко увеличив свое представительство в федеральном парламенте[4]. Однако победа на выборах не дала ХДС/ХСС

[1] Хотя в Италии используется пропорциональная избирательная система, распределение мест в парламенте осуществляется крайне непропорционально. По инициативе С. Берлускони, когда он занимал пост премьер-министра, в закон было внесено положение о том, что партия, чей список набрал первое место по числу голосов, автоматически получает вдобавок к завоеванным ею мандатам большое количество «призовых» мест. Например, в результате действия этого закона на последних выборах сложилась ситуация, когда занявшая первое место левоцентристская коалиция получила в Палате депутатов 340 мест из 640, а немного отставшие от нее правоцентристская коалиция Берлускони и движение «Пять звезд» – только 124 и 108 соответственно. В настоящее время суд признал неконституционным это положение закона, и, вероятно, к новым выборам оно будет отменено.

[2] Левоцентристы набрали 29,5% голосов на выборах нижней палаты и 31,6% голосов на выборах в сенат.

[3] На этом фоне больших успехов достигли левоцентристы из Демократической партии, которые получили 40,8% голосов (31 мандат) вместо 26,1% голосов (21 мандат) на предыдущих выборах в Европарламент. Хорошие результаты у популистского движения «Пять звезд» – 21,2% голосов и 17 мандатов.

[4] По сравнению с выборами 2009 года, результат ХДС/ХСС увеличился на 7,8%, что эквивалентно дополнительным 72 депутатским мандатам в Бундестаге. Это лучший электоральный результат ХДС/ХСС за последние 20 лет.

достаточно голосов для того, чтобы самостоятельно сформировать новое правительство, в результате чего им пришлось пойти на заключение «большой коалиции» с главным политическим оппонентом – Социал-демократической партией Германии (СДПГ). Таким образом, немецкие консерваторы вынуждены согласовывать свой курс с политическими противниками, что сказывается на его содержании.

Германские политологи объясняют электоральные успехи ХДС/ХСС двумя основными причинами.

1. Правительство А. Меркель обеспечило сравнительно безболезненное преодоление Германией экономического кризиса в то время, когда многие страны ЕС испытали огромные трудности, столкнулись с массовой безработицей и были вынуждены прибегнуть к жесткой бюджетной экономии. Контраст между результатами работы кабинета Меркель и ее коллег в других странах ЕС носит разительный характер и вполне осознается немецкими избирателями.

2. Немецкие консерваторы проявляют большую гибкость в идейном отношении. Например, в 2011 году, после катастрофы на АЭС в японской Фукусиме, Меркель приняла решение о полном отказе Германии от ядерной энергетики к 2022 году. Это решение вполне соответствует настроениям более молодых избирателей, хотя в корне противоречит традиционной позиции альянса ХДС/ХСС, который всегда отстаивал развитие ядерной энергетики. Правительство Меркель пошло на заимствование ряда популярных идей, противоречащих консервативной идеологии: отмена всеобщей воинской обязанности, увеличение социальной помощи семьям, послабления в вопросах двойного гражданства для немецких турок, борьба с глобальным потеплением, введение на федеральном уровне минимального размера оплаты труда, противодействие быстрому росту арендной платы, шаги по юридическому признанию однополых партнерств[1].

Курс, который Меркель проводит последние несколько лет, спровоцировал рост напряженности в отношениях между ХДС и ее традиционным партнером, баварским Христианско-социальным союзом (ХСС)[2]. Последний настроен гораздо более консервативно, чем ХДС, поэтому серьезные подвижки Меркель в сторону либеральной повестки вызывают осложнения в отношениях обеих партий. Программа ХСС носит существенно более консервативный характер, чем программа ХДС. Например, баварские консерваторы выступают против любых попыток централизации, подчеркивают приверженность христианским ценностям и идее свободного рынка. ХСС призывает к отказу от евро, развитию элементов прямой демократии в виде референдумов и возобновлению использования ядерной энергетики.

По сравнению с другими европейскими странами, мейнстримные немецкие консерваторы находятся в весьма благоприятной ситуации. Политическая элита Германии жестко блокирует возможности для подъема правопопулистских и праворадикальных партий, оперируя аргументами о необходимости помнить уроки истории. Политическая конкуренция искусственно ограничивается, что пока позволяет нейтрализовать существующий в стране потенциал[3] для создания новой мощной партии, стоящей на позициях правого популизма и евроскептицизма. Например, созданная в апреле 2013 года партия «Аль-

[1] Germans Want a ‘Mutti’: The Secret of Merkel’s Success // Spiegel-online International. September 22, 2013. URL: http://www.spiegel.de/international/germany/merkel-at-peak-of-her-powers-as-she-wins-third-term-a-923814.htmlSanguinetti.xhtml

[2] На протяжении многих десятилетий ХСС является доминирующей политической силой в федеральной земле Бавария. На выборах в региональный парламент в 2013 году ХСС подтвердил свои позиции, набрав 47,7% голосов (101 место из 180).

[3] По опросам накануне последних парламентских выборов, 20–25% немецких избирателей были готовы проголосовать за евроскептиков. Наблюдается ослабление традиционных малых партий вроде Свободной демократической и Левой, которые на выборах 2013 года потеряли значительную часть сторонников. В Германии постепенно растет число избирателей, которых не устраивают традиционные партии и которые готовы поддержать новую силу, способную предложить убедительную альтернативу.

тернатива для Германии»[1], которая стоит на позициях умеренного евроскептицизма[2], на выборах в Бундестаг набрала только 4,7% голосов[3], а на майских выборах в Европарламент – 7% (7 мест).

Австрия

Мейнстримные консерваторы из Австрийской народной партии (лидер – вице-канцлер Михаэль Шпинделегер) на протяжении многих лет сохраняют позиции одной из главных политических сил страны. Австрийская народная партия во многом сохраняет приверженность традиционной консервативной идеологии: она выступает против абортов, однополых браков, введения новых налогов. В то же время австрийские консерваторы – решительные сторонники европейской интеграции. На парламентских выборах в сентябре 2013 года партия заняла второе место, получив 24% голосов (47 мандатов). После выборов партия вступила в правительственную коалицию со своим основным оппонентом – Социал-демократической партией Австрии.

Особенность австрийской ситуации заключается в чрезвычайно сильной конкуренции с так называемыми правопопулистскими партиями, в которой начиная с 1990-х годов вынуждены участвовать консерваторы. Например, на последних выборах очень хороший результат в 21,4% голосов (42 мандата) получила Австрийская партия свободы, которую некогда возглавлял знаменитый политик Йорг Хайдер. На этих выборах успешно выступила и новая партия – «Команда Штронах» (5,8% голосов и 11 мандатов), стоящая на позициях умеренного евроскептицизма и широко использующая популистские идеи (например, обеспечить участие наемных работников в прибыли предприятий).

В Австрии, как и во Франции, правые популисты фактически стали третьей политической силой, сравнимой по электоральной поддержке с традиционными консерваторами и социал-демократами. В этих условиях австрийские консерваторы не могут использовать антииммигрантскую повестку и тему евроскептицизма, поскольку они уже в полной мере задействованы в пропаганде правых популистов. Таким образом, политическое будущее Австрийской народной партии находится под вопросом: в электоральном плане она зажата между социал-демократами и правыми популистами, тогда как возможности для эффективного маневра у нее ограничены.

Нидерланды

«Народная партия за свободу и демократию» (лидер – премьер-министр Марк Рютте) остается самой сильной в стране, находясь сегодня у власти в составе коалиционного правительства вместе с левоцентристской Рабочей партией («Партия за труд»). Мейнстримные консерваторы оказались победителям последних парламентских выборов в сентябре 2012 года, когда их партия стала лидером, набрав 26,5% голосов (41 место).

В идейном плане «Народная партия за свободу и демократию» отказалась от консервативной идеологии и перешла на позиции правого либерализма. Выступает за политику жесткой бюджетной экономии, поддерживает аборты, право на эвтаназию и обеспечение прав ЛГБТ-сообщества, предлагает ужесточить ограничения на иммиграцию в Нидерланды из мусульманских стран.

«Народная партия за свободу и демократию» испытывает значительное давление со стороны правопопулистской Партии свободы (лидер – Герт Вилдерс). Правда, в последнее время это давление стало ослабевать: на парламентских выборах в 2012 году Партия свободы получила только 10,1% голосов и потеряла 9 из 24 депутатских мандатов; на выборах в Европарламент в мае 2014 года Партия свободы набрала 13,4% голосов (4 места), утратив с прошлых выборов 3,5% поддержки.

[1] «Альтернатива для Германии» создана группой выходцев из ХДС в целях противодействия политике канцлера А. Меркель в отношении кризиса еврозоны.

[2] Главная цель партии «Альтернатива для Германии» – выход страны из зоны евро и возврат национальной валюты – марки. Партия не выступает за выход Германии из ЕС, считая эту организацию полезной для страны. «Альтернатива для Германии» высказывается за упрощение налогового законодательства и ограничение иммиграции.

[3] Не преодолела 5%-ный барьер.

В таких условиях Партия свободы начала сдвигаться в сторону более традиционной консервативной идеологии, заключив на выборах в Европарламент альянс с французским Национальным фронтом Марин Ле Пен. Однако в целом Партия свободы остается на позициях правого либерализма, практически либертарианства американского типа, отличаясь от мейнстримных консерваторов главным образом евроскептицизмом и резким неприятием иммигрантов из мусульманских стран. Партия свободы по-прежнему поддерживает однополые браки, аборты и право на эвтаназию.

В современных Нидерландах партии с традиционной консервативной повесткой находятся на далекой периферии национальной политики. Так, ортодоксальная протестантская Реформистская партия, считающая, что деятельность правительства должна быть целиком основана на учении Библии, на последних парламентских выборах смогла набрать только 2,1% голосов (3 места). Другая партия – Христианский союз – выступает с позиций социального консерватизма (прежде всего против однополых браков), получила 3,1% голосов (5 мест).

Испания

Консервативная Народная партия (лидер – премьер-министр Мариан Рахой) преобладает в политической жизни страны. В 2011 году Народная партия одержала убедительную победу на выборах, набрав 44,6% голосов, что обеспечило ей 186 из 350 мест в нижней палате парламента. Идеология партии представляет собой сочетание правого либерализма и консерватизма. Так, она выступает с критикой легализованных в стране однополых браков, но в то же время поддерживает европейскую интеграцию и либеральную политику в отношении трудовых и нелегальных иммигрантов. Народная партия достаточно далеко отошла в сторону правого либерализма от традиционного испанского консерватизма, каким он был, например, в эпоху Франсиско Франко, хотя консервативных элементов в программе этой партии сохранилось больше, чем в программах немецкой ХДС или французского Союза за народное движение.

По оценкам некоторых экспертов, электоральный успех Народной партии в 2011 году носил в основном ситуативный характер, будучи обусловлен прежде всего реакцией испанских избирателей на катастрофический провал политики Социалистической партии, правившей страной с 2004 по 2011 год. К концу этого периода уровень безработицы превысил 25% (в том числе среди молодежи – 50%), внешний долг резко и существенно вырос, а политика жесткой экономии показала свою неэффективность. Доказательством тому стали результаты майских выборов в Европарламент, на которых Народная партия набрала лишь 26,1% голосов (16 мест) вместо 42,1% (24 места) на выборах 2009 года.

Несмотря на явное снижение популярности испанских консерваторов, они сохраняют лидирующие позиции в национальной политике во многом благодаря отсутствию в стране сильной партии правых популистов и/или евроскептиков. Специфика испанской политики заключается в том, что запрос на евроскептицизм локализован на левом фланге политической системы, где его выражает ряд сил[1], которые в совокупности ослабляют позиции Социалистической партии и препятствуют ее политическому реваншу.

Финляндия

Мейнстримные консерваторы представлены Национальной коалиционной партией (лидер, с июня 2014 года, – премьер-министр Александр Стубб, ранее – премьер-министр Юрки Катайнен), которая на парламентских выборах в апреле 2011 года заняла первое место, набрав 20,4% голосов (44 мандата). Коалиционная партия возглавляет широкое коалиционное правительство с участием социал-демократов, зеленых, радикальных левых и Партии шведского меньшинства. В идеологическом плане Национальная коалиционная партия практически перешла на позиции чистого либерализма. Она поддержи-

[1] Например, недавно созданная левая партия «Мы можем» (Podemos), набравшая на выборах в Европарламент в мае 2014 года сразу 8% голосов (5 мест).

вает углубление европейской интеграции, развитие мультикультурализма и толерантности, хотя большинство членов партии пока высказывается против легализации в Финляндии однополых браков.

Национальная коалиционная партия находится в той же ситуации, что и мейнстримные консервативные партии во Франции и в Австрии. Она зажата между социал-демократами и правыми популистами из партии «Истинные финны»[1]. Традиционным финским консерваторам сложно противостоять натиску «Истинных финнов», которые подобно французскому Национальному фронту сочетают национализм, жесткую борьбу против иммиграции, протекционизм, евроскептицизм и социальную повестку.

Еще одной умеренной консервативной партией являются «Христианские демократы», которые заявляют о том, что стоят на позициях социального консерватизма. Реальная идеология партии носит либеральный характер: она выступает за защиту ценностей христианской культуры, окружающей среды, за социально ориентированную рыночную экономику, против расизма и дискриминации иммигрантов и языковых меньшинств. Электоральная поддержка партии «Христианские демократы» невелика: на парламентских выборах в 2011 году они набрали всего 4% голосов (6 мандатов).

Швеция

В настоящее время в Швеции правят либеральные консерваторы из Умеренной коалиционной партии и Христианско-демократической партии, которые одержали победу на парламентских выборах в 2010 году и создали правительственную коалицию. Ее основой является Умеренная коалиционная партия» (лидер – премьер-министр Фредрик Райнфельдт), набравшая на выборах 30,1% голосов (107 мандатов).

Программа этой партии, несмотря на остаточную консервативную риторику, носит чисто либеральный характер. Она выступает за углубление европейской интеграции, сокращение бюрократических барьеров для бизнеса, политику жесткой бюджетной экономики и снижения социальных расходов. Умеренная коалиционная партия поддерживает однополые браки и усыновление детей однополыми парами, а также приветствует широкую иммиграцию в Швецию.

Младшим партнером Умеренной коалиционной партии является Христианско-демократическая партия, которая стоит на позициях социального консерватизма и призывает к углублению европейской интеграции. Она предлагает меры по повышению качества образования и расширению возможностей для трудоустройства молодежи, защите пожилых, поддержке малого бизнеса и наемных работников. Христианские демократы поддерживают традиционные христианские ценности и отвергают однополые браки, но при этом высказываются за обеспечение равенства в обществе между мужчинами и женщинами. Электоральная поддержка партии невелика: на последних парламентских выборах она набрала только 5,6% голосов (19 мандатов).

Консервативную повестку пытается использовать несистемная сила национальной политики – партия «Шведские демократы», которая придерживается идей национализма и правого популизма. Это единственная сила в шведской политике, которая выступает за жесткое противодействие иммиграции, вплоть до депортации иммигрантов. Партия выступает против абортов, хотя поддерживает однополые браки. Популярность «Шведских демократов» постепенно растет: на парламентских выборах 2010 года за них проголосовали 5,7% избирателей (20 мест), а на выборах в Европарламент – уже 9,7% избирателей. Однако партия остается в маргинальном положении, поскольку как правящие умеренные консерваторы, так и оппозиционные левоцентристы (включая социал-демократов) подчеркивают недопустимость какого-либо сотрудничества со «Шведскими демократами».

Норвегия

Парламентские выборы в Норвегии, которые состоялись в сентябре 2013 года, были

[1] На последних парламентских выборах Финская социал-демократическая партия набрала 19,1% голосов, получив 42 мандата, «Истинные финны» – 19% голосов (39 мандатов).

отмечены победой Консервативной партии («Хёйре»). Консерваторы резко улучшили свои результаты, набрав 26,8% голосов (48 мест) по сравнению с предыдущими выборами, когда они смогли получить только 17,2% голосов. Лидер партии Эрна Сульберг сформировала правоцентристскую коалицию и возглавила новое правительство.

Победа «Хёйре» была обусловлена двумя обстоятельствами:

– ранее правившая Рабочая партия была дискредитирована коррупционными скандалами и неудачами во внешней и внутренней политике;

– правые популисты из Партии прогресса[1], несмотря на спрос норвежцев на антииммигрантскую риторику, до сих пор испытывают проблемы с электоральной поддержкой из-за преступления ее бывшего члена, печально известного Андерса Брейвика[2]. Парламентские выборы 2013 года показали переток избирателей от Партии прогресса к Консервативной партии[3].

Программа «Хёйре» в настоящее время соответствует позиции социального консерватизма. Партия высказывается за сохранение «государства всеобщего благосостояния» в его норвежской версии (например, предлагает увеличить государственные расходы на систему образования) и повышение эффективности его работы. При этом «Хёйре» заявляет о своем противостоянии социализму и защите принципов экономического либерализма.

Консерваторы заняли жесткую антииммигрантскую позицию (например, они обещают сократить квоты на прием беженцев на 90% и запретить ношение хиджаба в школах), но при этом поддерживают однополые браки[4]. Хотя «Хёйре» ранее высказывалась за вступление Норвегии в ЕС, но сейчас с учетом непопулярности данной идеи среди избирателей[5] партия ее переформулировала, заявив, что членство в Евросоюзе – это «долгосрочная цель».

Наблюдается идеологическое и политическое сближение мейнстримной Консервативной партии с Партией прогресса, которая стоит на позициях правого популизма. После парламентских выборов в сентябре 2013 года Консервативная партия и Партия прогресса создали нынешнюю правящую коалицию, причем правые популисты впервые за свою историю вошли в состав норвежского кабинета министров хотя бы на правах младшего партнера.

Консервативная партия во многом заимствовала антииммигрантскую программу правых популистов, а те, в свою очередь, заметно смягчили свою риторику, чтобы отмежеваться от ассоциаций с идеями А. Брейвика. В связи с образованием коалиционного правительства в 2013 году Партия прогресса резко сменила позицию по вопросам однополых браков – от категорического отрицания к решительной поддержке.

Более традиционалистские позиции в Норвегии занимает Христианская народная партия. Она выступает против однополых браков, усыновления детей однополыми парами, против легализации эвтаназии и за максимальное сокращение оснований для совершения абортов. Христианская народная партия стоит на позиции умеренного евроскептицизма, выступая против вступления в ЕС, но не поддерживает жесткое ограничение иммиграции в Норвегию. Партия по большинству вопросов поддерживает нынешнюю правящую коалицию, но отказалась войти в нее из-за принципиальных разногласий по

[1] В 1970–1980-х годах Партия прогресса была либеральной оппозицией норвежской версии «скандинавского социализма». С 1989 года она широко использует антииммигрантскую риторику и становится вариантом умеренной правонационалистической партии.

[2] А. Брейвик состоял в Партии прогресса с 1999 по 2007 год, но был исключен за неуплату членских взносов.

[3] Консервативная партия набрала на выборах 26,8% голосов (48 мандатов из 169) – на 9,6% (и 18 мандатов) больше, чем на предыдущих выборах в 2009 году. Напротив, Партия прогресса получила 16,4% голосов (29 мандатов) – на 6,6% (и 12 мандатов) меньше, чем в 2009 году, и утратила положение второй по популярности партии в Норвегии.

[4] В 2008 году «Хёйре» голосовала за легализацию однополых браков и разрешение однополым парам усыновлять детей.

[5] По данным опросов общественного мнения, в 2013 году против вступления в ЕС высказывались 75–77% норвежцев. Эту же позицию занимают более 40% членов парламента.

вопросам защиты окружающей среды (речь идет о планах кабинета министров интенсифицировать добычу нефти и газа на континентальном шельфе, что партия считает неприемлемым). Электоральная поддержка Христианской народной партии сокращается: если на парламентских выборах в 1997 году она получила 13,7% голосов (25 мандатов), то на последних выборах в 2013 году – только 5,6% (10 мандатов).

Дания

С 2011 года либерально-консервативная партия «Венстре» (лидер – Ларс Расмуссен) находится в оппозиции. Несмотря на декларируемую приверженность консерватизму, идеология и программа «Венстре» типичны для правого либерализма. Основной акцент партия делает на необходимость сокращения расходов, ограничения государственного вмешательства в экономику и поддержку конкуренции. «Венстре» ратует за сохранение христианских ценностей, но в то же время выступает за свободу вероисповедания и отделение церкви от государства[1]. Декларация связи с христианством не помешала фракции «Венстре» в парламенте в 2012 году проголосовать за легализацию однополых браков. Партия занимает проевропейскую позицию, призывая к дальнейшему углублению интеграции в рамках ЕС. Одновременно «Венстре» заимствовала у левых экологическую тематику, призывая проводить эффективную политику по охране окружающей среды, в частности, ввести экологический налог.

Другой партией мейнстримных консерваторов в Дании является Консервативная народная партия, которая плотно сотрудничает с «Венстре». Партия сочетает приверженность идеям свободного рынка, «малого государства», снижения налогов и сохранения традиционных моральных ценностей. Высказывается за достаточно жесткое регулирование иммиграции и сохранение особой роли государственной Лютеранской церкви в жизни датского общества. Политическая роль Консервативной народной партии резко ограничена после поражения на парламентских выборах в 2011 году, где ей удалось набрать только 4,9% голосов (8 мандатов).

Традиционная консервативная повестка в стране широко используется Датской народной партией, которая стоит на позициях национализма и правого популизма. Партия высказывается за радикальное ограничение иммиграции, против легализации однополых браков и против усыновления детей однополыми парами, требует ужесточения наказания за растление несовершеннолетних. Важная составляющая партийной программы – защита датского бюджета от сокращения социальных программ, в первую очередь связанных с пенсионным обеспечением престарелых. Попытки государства сокращать социальные расходы на фоне притока в страну иммигрантов, претендующих на пособия, – важный фактор общественного недовольства, что способствует росту популярности Датской народной партии.

Подобно Национальному фронту во Франции, Датская народная партия расширяет свою повестку за счет включения в нее социальной компоненты, характерной для левых. В результате уровень поддержки партии в обществе растет: на парламентских выборах 2011 года она заняла третье место, набрав 12,3% голосов (22 мандата), а на выборах в Европарламент в 2014 году стала лидером в Дании, набрав 26,6% голосов.

Венгрия

В политике этой страны в последние годы безусловно доминируют консерваторы, жестко ориентированные на защиту традиционных ценностей и венгерский национализм. В данном отношении Венгрия решительно выделяется среди всех остальных стран ЕС, где мейнстримные консерваторы по большей части перешли на позиции неолиберальной идеологии и теперь мало отличаются в идейном плане от своих традиционных конкурентов – либералов и социал-демократов.

Начиная с 2010 года власть в стране находится у партии ФИДЕС и ее харизматического лидера, премьер-министра Виктора Орба-

[1] В Дании существует официальная государственная религия, представленная Лютеранской церковью.

на[1]. Преобладание ФИДЕС подтвердили как парламентские выборы в апреле 2014 года, на которых партия набрала 44,9% голосов и получила 117 мандатов (из 199), так и выборы в Европарламент в мае – 51,5% голосов.

За время пребывания у власти Орбан провел политическую реформу, вершиной которой стало принятие новой Конституции. Основным направлением политической реформы было укрепление исполнительной власти, в том числе личной власти главы правительства, и сокращение прерогатив законодательной и судебной ветвей власти. Эта реформа дала почву для многочисленных обвинений ФИДЕС в намерении заменить демократическую политическую систему в Венгрии авторитарной, причем общим местом у критиков стало сравнение В. Орбана с В. Путиным.

В идейном плане ФИДЕС решительно отстаивает традиционные ценности. В новой Конституции Венгрии, принятой по инициативе партии в 2012 году, декларируется, что венгерскую нацию объединяют Бог и христианство. В тексте основного закона указывается, что браком является только союз мужчины и женщины, при этом государство наделено правом на защиту жизни с момента зачатия (что фактически равносильно запрету абортов).

ФИДЕС декларирует приверженность венгерским национальным традициям и видит своей приоритетной задачей защиту этнических венгров, проживающих за пределами страны. Исходя из этих предпосылок, в апреле 2014 года В. Орбан потребовал предоставления автономии венграм в Закарпатской области Украины. Партия делает ставку на венгерский национализм, отстаивая интересы венгерской нации и суверенитет национального государства перед лицом евробюрократии, с которой у Орбана сложились напряженные отношения.

ФИДЕС уделяет большое внимание социальной политике. Например, за время пребывания у власти правительства В. Орбана было осуществлено значительное понижение тарифов на услуги ЖКХ. В стране развиваются программы поддержки социально незащищенных слоев населения. Таким образом, консервативная партия ФИДЕС, находясь у власти, широко использует традиционную левую повестку, что во многом обеспечивает сохранение ее популярности в обществе.

Повестка правящих консерваторов испытывает давление со стороны правых радикалов из партии «Йоббик» (лидер – Габор Вона), которая является третьей по популярности в стране. ФИДЕС и «Йоббик» фактически вытеснили левые и либеральные партии на периферию венгерской политики. Хотя сам В. Орбан однозначно отвергает сотрудничество с партией «Йоббик», ФИДЕС в последние годы заимствует (часто в смягченном виде) те идеи правых радикалов, которые пользуются поддержкой в обществе. Последним примером этого стала реакция Венгрии на политический кризис на Украине. После серии акций с требованиями признать присоединение Крыма к России и присоединить Закарпатье к Венгрии, которые организовал «Йоббик», премьер-министр сам потребовал от Украины предоставить автономию этническим венграм в Закарпатской области.

Польша

Консервативная партия «Право и справедливость» (лидер – Ярослав Качиньский) является одной из двух лидирующих сил национальной политики. Партия, которая с 2007 года находится в оппозиции, на парламентских выборах в октябре 2011 года набрала 29,9% голосов (157 мест из 460 в нижней палате), а на выборах в Европарламент в мае 2014 года – 31,8% голосов.

Идеология партии носит ярко выраженный традиционалистский характер. «Право и справедливость» тесно связана с Католической церковью и подчеркивает, что в основе программы партии положено официальное католическое социальное учение. «Право и справедливость» считает необходимым максимальное ограничение оснований для абортов и запрет эвтаназии. Партия решительно высказывается против однополых браков и любых форм законодательного признания однополых союзов, против усыновления детей гомосексуалистами и поддерживает полити-

[1] Критики в странах ЕС давно называют венгерского премьер-министра «Виктатором».

ку ограничения в правах ЛГБТ-сообщества. Критики в странах Западной Европы оценивают «Право и справедливость» как гомофобную партию.

«Право и справедливость» высказывается за решительное реформирование политической системы Польши. Партия призывает резко усилить власть президента, сократить численность парламента, развернуть решительную борьбу с коррупционерами и лоббистами, провести массированную люстрацию лиц, сотрудничавших со спецслужбами коммунистической Польши до 1989 года. Для партии характерна популистская риторика, направленная против левых и либеральных элит, которые с помощью закулисных махинаций якобы присвоили себе реальную власть в стране.

В социально-экономических вопросах «Право и справедливость» поддерживает сохранение и расширение государственных социальных программ, направленных на поддержку малоимущих. Особое внимание партия уделяет развитию бесплатного государственного здравоохранения, а также призывает к созданию для молодых семей системы дешевых ипотечных займов под гарантии государства. Таким образом, «Право и справедливость» во многом придерживается левой повестки.

Партия стоит на позициях умеренного евроскептицизма, подчеркивая, что евроинтеграция обязательно должна быть выгодной для Польши. В то же время «Право и справедливость» призывает к теснейшему сотрудничеству с США и занимает радикально антироссийскую позицию.

Мейнстримные консервативные партии и новые правые партии

Отход мейнстримных консервативных партий от консервативной идеологии позволяет успешно использовать эту повестку партиям правых популистов и евроскептиков. После 1991 года переход мейнстримных консервативных партий к идеологии неолиберального консенсуса постепенно создал серьезное напряжение в их отношениях с традиционной электоральной базой. Многих консервативно настроенных избирателей не устраивает, что прежние выразители их интересов однозначно встали на сторону «глобалов», отказавшись от защиты социально-экономических интересов и традиционных ценностей «локалов». В целом утрата мейнстримными консерваторами части электората обусловлена такими процессами, как:

– продолжающийся экономический кризис, высокая безработица и неудачная антикризисная политика жесткой бюджетной экономии в ЕС;

– приток нелегальных иммигрантов и проблема адаптации многочисленных иммигрантов из незападных стран;

– сдача мейнстримными консервативными партиями позиций по вопросам общественных ценностей, заимствование постхристианской повестки (например, однополые браки и эвтаназия);

– рост недовольства граждан усилением влияния евробюрократии и игнорированием элитами ряда насущных проблем общества.

В течение некоторого времени мейнстримные консервативные партии на Западе, приняв идеологию неолиберального консенсуса, по инерции удерживали свой прежний электорат. Его основная часть продолжала ориентироваться на традиционный консервативный бренд этих партий, не всегда отдавая себе отчет в их идеологической мутации. Но экономический кризис, начавший в 2008 году, выявил неспособность мейнстримных консерваторов в странах ЕС противостоять ему, что дало стимул части их избирателей пересмотреть свое к ним отношение.

В условиях сближения традиционных левых и правых партий на базе идеологии неолиберального консенсуса многие избиратели почувствовали себя лишенными политического представительства. Мейнстримные консерваторы столкнулись с ситуацией, когда часть избирателей перестала рассматривать их как альтернативу левым и либеральным партиям, полагая, что между всеми этими силами больше нет существенной разницы. Закономерным последствием стала серия громких электоральных успехов правых популистов и евроскептиков, подвергающих радикальной критике как левые, так и правые мейнстримные партии.

Консолидация традиционных левых и правых партий на базе неолиберальной

идеологии закономерным образом привела к «сдвигу» консерватизма вправо, что обусловлено его вытеснением из мейнстримных консервативных партий (в первую очередь в Западной Европе). В странах ЕС консервативная повестка и лозунги защиты традиционных ценностей все больше становятся достоянием партий правых популистов и националистов (например, французского Национального фронта или «Истинных финнов»), которые нередко успешно сочетают их с популярными социальными требованиями.

Поскольку на Западе интересы «глобалов» выражает идеология неолиберального консенсуса, то «локалы» проявляют все больший интерес к консервативной идеологии в ее различных формах, которая превращается в своего рода подрывную силу по отношению к миропорядку. Мейнстримные консервативные партии, перешедшие на сторону «глобалов», отстаивают выгодную им глобализацию, одной из основных форм которой является углубление европейской интеграции. Напротив, сторонники консервативной идеологии в странах ЕС в целом стоят на позициях евроскептицизма, который в той или иной степени разделяют почти все успешные партии правых популистов. Сегодня в Западной Европе евроскептицизм является органичной и необходимой составляющей консервативной идеологии.

Переход консервативного электората к правым популистам существенно понизил электоральные результаты мейнстримных консервативных партий в целом ряде стран ЕС. Парламентские и президентские выборы, начиная с 2009 года, а также выборы в Европарламент показали, что мейнстримные консервативные партии испытывают сильное давление со стороны правых популистов и евроскептиков в таких странах, как Франция, Великобритания, Италия, Австрия, Нидерланды, Финляндия, Дания, Норвегия, Швейцария. К настоящему времени правые популисты и евроскептики по уровню электоральной поддержки почти догнали или опередили мейнстримных консерваторов во Франции, Великобритании, Италии, Австрии, Финляндии, Дании. При этом во Франции, Великобритании и Дании партии правых популистов заняли первое место на последних выборах в Европарламент. Не исключено, что на следующих национальных выборах в этих странах правые популисты станут лидерами.

Мейнстримным консервативным партиям удается успешно отражать угрозу со стороны партий правых популистов в трех случаях:

– при наличии бесспорных социально-экономических успехов правительства, которым руководят консерваторы (Германия). В результате основная масса консервативно настроенных избирателей не видит смысла изменять электоральные предпочтения, даже если их не вполне устраивает неолиберальная идеология той мейнстримной консервативной партии, которую они пока поддерживают;

– в случае сохранения партией верности консервативной идеологии и идее защиты традиционных ценностей (Польша, Венгрия). При этом мейнстримная консервативная партия еще не успела перейти на позиции идеологии неолиберального консенсуса. Поэтому она не сталкивается с утратой консервативно настроенных избирателей и не испытывает сильной угрозы со стороны партии правых популистов;

– в случае заимствования партией идеологии правого популизма (США). Несмотря на специфику американского избирательного законодательства, Республиканская партия избавлена от конкуренции с новой правопопулистской партией именно потому, что правые популисты из «Партии чаепития» влились в ряды самих республиканцев и стали во многом определять их повестку и программу.

Реакция мейнстримных консервативных партий в случае наличия сильной угрозы со стороны правых популистов разнообразна: от попыток изолировать конкурентов до создания коалиции с ними и фактического объединения. Можно выделить три основные стратегии.

1. Мейнстримная консервативная партия идет на радикальный конфликт с правыми популистами, пытаясь сделать их маргиналами.

Классическим примером такой стратегии является поведение французского Союза за народное движение (и предшествовавших ему правоцентристских партий), который

всегда объединялся с мейнстримными левыми из Социалистической партии против правых популистов из Национального фронта. Во Франции такая стратегия имеет мощное институциональное подкрепление в виде мажоритарной избирательной системы абсолютного большинства, которая применяется на всех национальных выборах. Эта система приводила к тому, что на протяжении почти тридцати лет представители Национального фронта практически всегда проигрывали во втором туре выборов, поскольку выступавших против них кандидатов независимо от их партийной принадлежности поддерживали и системные левые, и системные правые. Таким образом, электоральные успехи Национального фронта оказывались почти бесплодными, поскольку голоса, отданные за него, почти никогда не конвертировались в места в законодательной власти и органах местного самоуправления.

Аналогичная стратегия[1] использовалась или используется в настоящее время мейнстримными консерваторами в следующих странах:

– Австрия – против Партии свободы;

– Венгрия – против партии «Йоббик»;

– Нидерланды – против Партии свободы;

– Швеция – против партии «Шведские демократы»;

– Норвегия – против Партии прогресса;

– Дания – против Датской народной партии;

– Греция – против партии «Золотая заря».

Эффективность стратегии была подорвана социально-экономическим кризисом, начавшимся в 2008 году, неэффективностью навязанной из Брюсселя политики жесткой бюджетной экономии и неспособностью справиться с кризисом большинства правительств, возглавлявшихся мейнстримными правыми и левыми партиями.

В настоящее время система «санитарного кордона»[2] против правых популистов в тех странах, где ее использовали, стала разрушаться. Например, по итогам выборов 2013 года в Норвегии Партия прогресса впервые вошла в состав правительственной коалиции вместе с мейнстримной консервативной партией «Хёйре». В Дании налажено сотрудничество между либеральными консерваторами из партии «Венстре» и правыми популистами из Датской народной партии. В их бытность правительственной коалицией была принята жесткая антииммиграционная политика.

Наконец, впервые на муниципальных выборах во Франции в начале 2014 года представители Национального фронта стали мэрами в ряде городов, преодолев крайне неблагоприятную избирательную систему. Это предвещает прорыв в парламент страны на следующих выборах целой фракции правых популистов. События 2012–2014 годов показали, что рост недовольства социально-экономическим курсом социалиста Ф. Олланда в первую очередь увеличивает электоральную поддержку Национального фронта, а не мейнстримной консервативной партии «Союз за народное движение». Массовый протест консервативной части общества против легализации однополых браков (движение “Manif Pour Tous”) в итоге также значительно усилил позиции Национального фронта, который имеет неплохие связи со многими «низовыми» консервативными общественными организациями.

Опрос общественного мнения TNS-Sofres, проведенный в 2014 году, обнаружил, что 34% французов готовы поддержать идеи Национального фронта, что на 12% больше, чем в 2011 году. По мнению 46% опрошенных, лидер партии Марин Ле Пен является «лицом консерваторов-патриотов, признающих традиционные ценности». Эти данные показывают, что большая часть консервативно настроенных французов отвернулась от мейнстримного Союза за народное движение, предпочтя правых популистов из Национального фронта, в которых они видят подлинных консерваторов.

2. Мейнстримная консервативная партия заимствует идеи правых популистов, чтобы

[1] В Германии данная стратегия применяется мейнстримными консерваторами из ХДС/ХСС не столько против маргинальной Национал-демократической партии, сколько против третьей по популярности в стране партии «Левые», которая является наследницей Социалистической единой партии Германии, правившей в ГДР.

[2] Французский термин cordon sanitaire.

сохранить электоральную популярность.

Мейнстримным консерваторам приходится использовать эту линию поведения в тех случаях, когда по электоральным соображениям становится невозможным и дальше игнорировать рост популярности идей правых популистов и евроскептиков. Одной из важных составляющих такой стратегии является отказ мейнстримных консерваторов от самого простого способа политической борьбы – демонизации своих соперников справа, попыток изолировать их как «радикалов» и «экстремистов». Напротив, приходится признавать, что их идеи хотя бы отчасти оправданы и заслуживают использования.

Образец такого курса представляет Консервативная партия Великобритании. Испытывая сильное давление со стороны Партии независимости Соединенного Королевства, тори и их лидер, премьер-министр Дэвид Кэмерон, стремятся заимствовать лозунги своих конкурентов. В результате консерваторы в последние два года на официальном уровне стали поддерживать идею проведения референдума о выходе Великобритании из состава ЕС; сам Кэмерон призвал лишить граждан бедных стран Восточной Европы (прежде всего Румынии и Болгарии) права свободного передвижения в объединенной Европе, чтобы предотвратить их миграцию в поисках работы и социального обеспечения в богатые страны Западной Европы. *Ради электорального выживания и предотвращения раскола в своих рядах*[1] *Консервативная партия фактически перешла на позиции евроскептицизма, став первой мейнстримной партией в Европе, проделавшей подобную эволюцию*.

Опыт тори, однако, ставит вопрос об эффективности тактики ассимиляции мейнстримными консерваторами идей правых популистов. Ярким примером этого стали выборы в Европарламент в мае 2014 года, первое место на которых заняла Партия независимости. Заимствование повестки правых популистов оказалось не слишком успешным средством: консерваторы пока так и не смогли остановить рост популярности своих конкурентов справа. Ситуацию осложняет то, что Партия независимости в расчете на расширяющиеся возможности сдвигается в сторону большей умеренности, что делает ее еще более приемлемой в качестве альтернативы для консервативного электората. Так, лидер Партии независимости Найджел Фарадж в последнее время отказался от расистских высказываний и стал использовать в своих выступлениях более сдержанную риторику.

Сходный эффект имели во Франции и робкие попытки Союза за народное движение использовать некоторые составляющие повестки Национального фронта перед президентскими выборами 2012 года. В ответ правые популисты, которых в это время возглавила Марин Ле Пен, совершили эффективный маневр: они открестились от былого антисемитизма и расизма, сделав акцент на социальные требования. Таким образом, и во Франции мейнстримные консерваторы способствовали легитимизации в обществе повестки правых популистов, но вместо привлечения к себе их электората уступили Национальному фронту часть избирателей.

Французский и британский примеры показывают, что стратегия заимствования мейнстримными консерваторами идей правых популистов (если те одновременно являются самостоятельными политическими игроками) не приносит ожидавшегося результата.

Зато достаточно эффективным способом нейтрализации партий правых популистов является их включение в правительство на правах младших партнеров мейнстримных консерваторов. В этом случае правые популисты, не имея возможности целиком формировать государственную политику, оказываются в трудном положении. Их электорат ждет от них достаточно радикальных и быстрых изменений, которые они объективно не могут реализовать. К тому же лидеры правых популистов, скованные коалиционной дисциплиной, вынуждены смягчать риторику и отказываться от многих привлекательных лозунгов, что усиливает разочарование среди их электората.

Применение подобной тактики в 2000 году в Австрии, где Партия свободы Йорга Хайдера

[1] По оценкам британских экспертов, приблизительно 40% членов Консервативной партии относятся к числу приверженцев евроскептицизма, то есть занимают ту же идейную позицию, что и Партия независимости Соединенного Королевства.

вошла в коалиционный кабинет на правах младшего партнера, закончилось распадом партии на две части и многолетними электоральными трудностями оставшейся части Партии свободы. Сегодня подобный процесс разворачивается в Норвегии, где правопопулистская Партия прогресса входит в кабинет на правах младшего партнера. В обмен на участие во власти Партии прогресса пришлось отказаться от многих своих предвыборных обещаний, в том числе по поводу резкого ужесточения миграционного законодательства. Все это самым негативным образом сказалось на рейтинге. По данным опроса национальной сети вещания NRK, в начале 2014 года уровень доверия избирателей к Партии прогресса достиг наименьшего уровня (11,7%) начиная с 2006 года.

3. Мейнстримная консервативная партия объединяется с правыми популистами и фактически поглощается ими.

Начиная с 2010 года в рамках этого сценария развивается Республиканская партия США. Особенности американской избирательной системы вынудили примкнуть к ней консервативное движение, известное под названием «Партия чаепития». Без вхождения в ряды республиканцев в США правые популисты остались бы на обочине национальной политики. Самой Республиканской партии после катастрофической неудачи на выборах 2008 года также требовались «свежая кровь» и новые популярные идеи. Так появился альянс, эффективность которого была впервые продемонстрирована по итогам промежуточных выборов в Конгресс США, состоявшихся в ноябре 2010 года.

Однако с течением времени выяснилось, что «Партия чаепития» фактически навязала свою повестку всей Республиканской партии. Такие идеи правых популистов, как проведение независимого аудита Федеральной резервной системы или введение «плоского» единого подоходного налога, которые еще в 2012 году казались утопичными, сегодня вошли в официальную программу республиканцев. Важнейшую роль в этом успехе сыграла тактика правых популистов, которые упорно работали над обеспечением побед своих представителей на республиканских праймериз.

Сложилась ситуация, когда множество членов «Партии чаепития» благодаря хорошо налаженной системе мобилизации сторонников выигрывают праймериз Республиканской партии у мейнстримных политиков и в итоге выдвигаются на выборы в качестве официальных кандидатов партии. Правые популисты отслеживают и заблаговременно предотвращают угрозу внутри со стороны популярных политиков иных взглядов, как это было с близким старому истеблишменту партии губернатором штата Нью-Джерси Крисом Кристи, репутацию которого в начале 2014 года уничтожил хорошо организованный и раскрученный в СМИ скандал. Напротив, «Партия чаепития» не жалеет усилий для раскрутки и популяризации собственных лидеров, первым среди которых сегодня является либертарианец, сенатор Рэнд Пол (сын известного конгрессмена-либертарианца Рона Пола).

К настоящему моменту в США сложилась уникальная для современного Запада ситуация, когда мейнстримная консервативная партия благодаря электоральному альянсу с правыми популистами фактически перешла под их контроль. Последствия такого развития событий для Америки и всего мира сегодня невозможно предсказать в полной мере, особенно если президентские выборы 2016 года в США сумеет выиграть республиканский кандидат, хотя бы отчасти разделяющий идеи «Партии чаепития».

Тенденции развития мейнстримных консервативных партий

На современном этапе развитие мейнстримных консервативных партий характеризуется следующими тенденциями.

Отказ от харизматического лидерства. Современные мейнстримные консерваторы, как правило, избегают акцента на личных качествах своих лидеров. Типичный политик этого направления сегодня производит впечатление ответственного и скучного бюрократа. Немногие оставшиеся яркие фигуры вроде С. Берлускони или Н. Саркози[1] рано или позд-

[1] Победа Ф. Олланда на президентских выборах была во многом обусловлена тем, что его позиционировали как «господина Нормального» в противовес эксцентричному Саркози.

но отторгаются истеблишментом мейнстримных консерваторов, для которого они являются слишком непредсказуемыми, «хаотичными». Идеал современного лидера из стана мейнстримных консерваторов – канцлер Германии Ангела Меркель, которую считают политиком нехаризматичным, зато профессиональным и прагматичным[1]. Значимое исключение составляют США, но и там наиболее яркие фигуры Республиканской партии – это лидеры «Партии чаепития», вроде сенаторов Рэнда Пола и Теда Круза, а не представители традиционного партийного истеблишмента.

Приверженность идеологии консервативного либерализма. В целом мейнстримные консерваторы сегодня (за исключением США) – это консервативные либералы, которые к тому же всё больше сдвигаются в сторону либерализма, как в социальной сфере, так и в экономических вопросах. Дело доходит до анекдотических случаев, когда представитель леволиберальной Социал-демократической партии Германии Пеер Штайнбрюк обвинил Ангелу Меркель в краже идей у его партии. В Европе из повестки мейнстримных консервативных партий ушли как защита традиционных ценностей, так и идеи национализма и протекционизма. Социальный консерватизм, который делает акцент на морально-нравственных проблемах, процветает в Республиканской партии США, но не пользуется большим успехом у мейнстримных консерваторов в ЕС, для которых он в лучшем случае второстепенная составляющая повестки (в отличие от многих правых популистов).

Поддержка руководством идей евроинтеграции. Практически все мейнстримные консервативные партии в странах ЕС разделяют идею углубления европейской интеграции, что на практике означает еще большую концентрацию власти в руках европейской бюрократии в Брюсселе и дальнейшее сокращение полномочий национальных правительств. На позициях евроскептицизма сегодня стоят лишь Христианско-социальный союз в Баварии и весьма влиятельная группировка в Консервативной партии Великобритании.

Акцент на экономической политике. Мейнстримные консервативные партии Западной Европы во внутренней политике стараются делать упор на экономику и обходить важные проблемы морально-нравственного характера, социальные вопросы и тематику международных отношений. Европейских консерваторов вдохновляет пример Ангелы Меркель, которая на протяжении уже девяти лет пребывания на посту канцлера придерживается этой стратегии, успешно сохраняя электоральную поддержку.

Приоритетность экономических проблем мотивируется и надеждами на посткризисную перспективу, когда спрос на протестную повестку снизится, в результате чего электоральная поддержка правых популистов сократится. Правда, по мнению известного голландского политолога Каза Мюдде, анализ результатов выборов в странах ЕС демонстрирует отсутствие жесткой связи между экономической нестабильностью и подъемом правого популизма. Одна из важнейших причин кризиса мейнстримных партий в целом – это недовольство ими со стороны значительной части избирателей, которых не устраивает их приверженность идеологии неолиберального консенсуса[2]. Само по себе улучшение экономической ситуации в Европе может и не привести к снижению поддержки такой альтернативы, как правые популисты.

Иная ситуация в США, где Республиканская партия использует гораздо более широкий набор тем, чем мейнстримные консерваторы в Европе, поскольку для нее гораздо менее остро стоит проблема расхождения декларируемой консервативной идеологии с реальной политикой.

Усиление внутренних конфликтов и утрата части электората. В Западной Европе мейнстримные консерваторы, которые де-

[1] См., напр.: *Kettle, Martin.* Angela Merkel: Uncharismatic Leader Who Dominates German Politics // The Guardian, 17 March 2011. URL: http://www.theguardian.com/world/2011/mar/17/angela-merkel-germany-christian-democrats

[2] *Mudde, Cas.* Contrary to Popular Opinion, Europe Has Not Seen a Sharp Rise in Far-Right Support Since the Start of the Crisis // The London School of Economics and Political Science, August 22, 2013. URL: http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2013/08/22/contrary-to-popular-opinion-europe-has-not-seen-a-rise-in-far-right-support-since-the-start-of-the-crisis/

факто перешли на позиции неолиберального консенсуса, сталкиваются с нарастающим недовольством со стороны консервативно настроенных избирателей. Как показывает опыт Франции и Великобритании, разрушительный эффект для электоральной базы мейнстримных консерваторов создает их неспособность решить проблему миграции и уступки либеральной морали, требующей защищать права меньшинств, а не традиционные ценности.

Продолжение мейнстримными консервативными партиями нынешней политики чревато дальнейшим переходом их избирателей к правым популистам, а также обострением внутрипартийных конфликтов. Например, Консервативная партия Великобритании уже расколота почти поровну на сторонников и противников членства страны в ЕС. В Германии проевропейская позиция ХДС контрастирует с риторикой его традиционного партнера, баварского ХСС, который призывает к избавлению от «еврократического балласта» путем ужесточения контроля над иммиграцией и сокращения полномочий евробюрократии.

Аналогичная проблема, хотя с противоположной «окраской», имеет место в США. Под влиянием «Партии чаепития» идейная радикализация Республиканской партии в последние годы зашла настолько далеко, что отталкивает от нее часть умеренных избирателей, особенно выходцев из Латинской Америки. В итоге, как показали президентские выборы 2012 года, республиканцы оказались в своеобразном электоральном гетто. Те социальные группы, которые поддерживают их консервативную повестку, не могут обеспечить победу кандидату партии, а привлечение других избирателей жестко блокировано преобладающей среди республиканцев идеологией. Например, когда в марте 2013 года председатель Республиканского национального комитета Райнс Прибус заявил, что для победы на выборах партии необходимо заручиться поддержкой женщин, этнических меньшинств и гомосексуалистов, большинство партийцев сочли это мнение предательством консервативных ценностей и заблокировали любые подобные изменения.

Усиливающийся вызов со стороны правых популистов и евроскептиков. Разочарование части электората истеблишментом мейнстримных консервативных партий, переходом последнего на позиции неолиберального консенсуса, его неспособностью противодействовать социально-экономическому кризису и иммиграции влечет за собой усиление партий правых популистов. Они успешно используют традиционную консервативную идеологию для мобилизации недовольных избирателей, отбирая их у мейнстримных консерваторов.

В таких странах, как Великобритания и Франция, на повестке дня уже стоит вопрос: сумеют ли в ближайшие годы мейнстримные консервативные партии удержать положение одной из двух главных сил – или же их вытеснят на третье место правые популисты? Чем больше в политический мейнстрим на Западе входят правые популисты, тем слабее становятся позиции «старых» мейнстримных консерваторов. Данная ситуация создает сильную напряженность внутри консервативных партий: определенные группы в их рядах видят выход в том, чтобы заимствовать часть повестки у правых популистов. В то же время тенденция к радикализации мейнстримных консерваторов создает новые конфликты в их рядах, но, судя по опыту Великобритании, отнюдь не гарантирует электоральной победы над конкурентами справа.

Сокращение количества членов партий. Традиционная база мейнстримных консервативных партий сокращается как по демографическим причинам, так и в связи переходом части сторонников к правым популистам. В результате нарастающей секуляризации молодых поколений и утраты ими доверия к политическому истеблишменту консервативные партии в Европе сталкиваются с ситуацией, когда число их членов постоянно сокращается. Старые партийцы постепенно уходят из жизни, но им на смену не приходят новые. Например, еще в 1950-х годах в британской Консервативной партии состояло приблизительно 2,8 млн человек, сегодня – только 170 тыс. Учитывая мнение сокращающейся и стареющей массы членов партий (значительная часть которых состоит в них в силу привычки), лидеры мейнстримных консервативных партий получают неверное

представление об отношении к своим программам большинства избирателей и отчасти просто теряют связь с реальностью.

Недостаточная эффективность коммуникаций. Специалисты по медиа указывают на то, что мейнстримным консервативным партиям труднее всего дается эффективное использование современных средств коммуникации с избирателями, включая Интернет. В этом отношении они серьезно проигрывают как традиционным соперникам слева, так и правым популистам и евроскептикам, часть которых (например, «Партия чаепития» или итальянское движение «Пять звезд») были бы немыслимы без Интернета. Даже в США Республиканская партия представлена в Интернете значительно слабее, чем Демократическая, причем *среди республиканцев наиболее активно в Сети действуют правые популисты из «Партии чаепития».* На локальном уровне организации ряда консервативных партий в Европе сохраняют привычки 1960-х годов и осуществляют коммуникацию с избирателями, например, с помощью рассылки им почтовых открыток. Неудивительно, что мейнстримные консерваторы во многих странах Европы уступают соперникам справа и слева в охвате аудитории, в понимании проблем граждан и в скорости запроса на реальные запросы избирателей.

Типология мейнстримных консервативных партий

Идеологическая типология

Сегодня большинство мейнстримных консервативных партий на Западе стоят на умеренно либеральных позициях. Для них характерны особое внимание к проблемам экономики и стремление не делать акцент на собственно консервативной повестке. Такие проблемы, как национальная идентичность и иммиграция, сохранение традиционных ценностей присутствуют в программах подобных партий на заднем плане. Формально консерваторы этого типа заявляют о своей верности консервативной идеологии, но при этом стараются избегать открытых конфликтов с ценностями неолиберального консенсуса. К мейнстримным консервативным партиям этого типа относятся французский Союз за народное движение, «Вперед, Италия!», немецкая Христианско-демократическая партия, австрийская Народная партия, испанская Народная партия, финские христианские демократы.

Значительная часть мейнстримных консерваторов в Европе уже пошла на открытый разрыв с идеологией консерватизма. Они заимствуют и реализуют на практике постхристианскую ценностную повестку (например, легализация однополых браков и эвтаназии), несовместимую с консервативной идеологией. Таким образом, речь идет о завершении процесса перерождения, когда вместо консервативной идеологии у соответствующих партий остается одно лишь название «консерватизм». Партиями этого типа являются Консервативная партия Великобритании, «Народная партия за свободу и демо кратию» в Нидерландах, Национальная коалиционная партия в Финляндии, Умеренная коалиционная партия в Швеции, Консервативная партия («Хёйре») в Норвегии, партия «Венстре» в Дании.

Вместе с тем, ряд мейнстримных партий на Западе продолжает отстаивать традиционную консервативную идеологию и связанные с нею моральные ценности христианского происхождения. Для этих партий большое значение имеет повестка социального консерватизма, ориентированная на нравственную и ценностную проблематику. В число подобных партий входят Республиканская партия США, баварский Христианско-социальный союз, шведская Христианско-демократическая партия, норвежская Христианская народная партия, венгерская партия ФИДЕС, польская партия «Право и справедливость», датская Консервативная народная партия.

Типология по роли в политической системе

Мейнстримная консервативная партия – одна из двух главных партий страны: Республиканская партия (США), Консервативная партия (Великобритания), Союз за народное движение (Франция), Христианско-демократическая партия (Германия), Народная партия (Испания), ФИДЕС (Венгрия), «Право и справедливость» (Польша).

Мейнстримная консервативная партия – одна из нескольких основных партий

страны: «Вперед, Италия!» (Италия), Народная партия (Австрия), «Народная партия за свободу и демократию» (Нидерланды), Национальная коалиционная партия (Финляндия), Умеренная коалиционная партия (Швеция), Консервативная партия (Норвегия), «Венстре» (Дания).

Мейнстримная консервативная партия – нишевая: Христианско-социальный союз (Бавария – Германия), «Христианские демократы» (Финляндия), Христианско-демократическая партия (Швеция), Христианская народная партия (Норвегия), Консервативная народная партия (Дания).

Типология по отношению к правым популистам

В различных странах Запада отношения мейнстримных консервативных партий с этими силами строятся с различных позиций.

В одном случае мейнстримные консерваторы испытывают сильное или хотя бы значительное электоральное давление со стороны правых популистов и даже вынуждены отчасти заимствовать их повестку. В подобной ситуации находятся Консервативная партия (Великобритания), Союз за народное движение (Франция), Народная партия (Австрия), «Народная партия за свободу и демократию» (Нидерланды), Национальная коалиционная партия (Финляндия), Консервативная партия (Норвегия), «Венстре» (Дания), ФИДЕС (Венгрия).

Во втором случае, напротив, правые популисты не представляют собой серьезной угрозы для мейнстримной консервативной партии, которая может себе позволить игнорировать их. В данной ситуации находятся Христианско-демократическая партия и Христианско-социальный союз (Германия), «Вперед, Италия!», Народная партия (Испания), Умеренная коалиционная партия (Швеция), «Право и справедливость» (Польша).

Наконец, в США имеет место слияние правых популистов из «Партии чаепития» с мейнстримной консервативной Республиканской партией.

Наиболее остро угроза со стороны правых популистов для мейнстримных консервативных партий стоит в Великобритании, Франции, Дании, Финляндии, где на выборах в Европарламент в мае 2014 года правые популисты заняли первое место. В этих странах уже в ближайшие годы правые популисты реально могут вытеснить мейнстримных консерваторов с позиции одной из двух главных партий, выдавив их на третье по популярности место и ниже. С аналогичной опасностью консерваторы сталкиваются и в Италии, хотя там угрозу им представляют не правые популисты, а идеологически аморфное протестное движение «Пять звезд», возглавляемое харизматическим лидером Беппе Грилло.

Комплексная типология мейнстримных консервативных партий

Партия	Идеология	Роль в политической системе	Отношение к правым популистам
Республиканская партия (США)	Консерватизм	Одна из двух главных партий	Слияние с правыми популистами
Консервативная партия (Великобритания)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из двух главных партий (положение под угрозой	Острая конкуренция, заимствование повестки
Союз за народное движение (Франция)	Умеренный либерализм	Одна из двух главных партий (положение под угрозой)	Острая конкуренция, попытки маргинализации правых популистов
«Вперед, Италия!» (Италия)	Умеренный либерализм	Одна из основных партий страны	Отсутствие угрозы от правых популистов

Партия	Идеология	Роль в политической системе	Отношение к правым популистам
Народная партия (Австрия)	Умеренный либерализм	Одна из основных партий страны	Острая конкуренция
Народная партия (Испания)	Умеренный либерализм	Одна из двух главных партий	Отсутствие угрозы от правых популистов
Христианско-демократическая партия (Германия)	Умеренный либерализм	Одна из двух главных партий	Отсутствие угрозы от правых популистов
Христианско-социальный союз (Германия/Бавария)	Консерватизм	Нишевая партия	Отсутствие угрозы от правых популистов
«Народная партия за свободу и демократию» (Нидерланды)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из основных партий страны	Острая конкуренция, попытки маргинализации правых популистов
«Венстре» (Дания)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из основных партий страны	Конкуренция, заимствование повестки + альянс в парламенте
Консервативная народная партия (Дания)	Консерватизм	Нишевая партия	Конкуренция
Консервативная партия «Хёйре» (Норвегия	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из основных партий страны	Конкуренция, заимствование повестки + альянс с правыми популистами в правительстве
Христианская народная партия (Норвегия	Консерватизм	Нишевая партия	Не конкурирует с правыми популистами
ФИДЕС (Венгрия)	Консерватизм	Безусловно доминирующая в стране партия	Конкуренция, попытки маргинализации правых популистов
«Право и справедливость» (Польша	Консерватизм	Одна из двух главных партий	Отсутствие угрозы от правых популистов
Национальная коалиционная партия (Финляндия)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из основных партий страны	Острая конкуренция
Христианские демократы (Финляндия)	Умеренный либерализм	Нишевая партия	Острая конкуренция
Умеренная коалиционная партия (Швеция)	Либерализм + постхристианская повестка	Одна из основных партий страны	Конкуренция, попытки маргинализации правых популистов
Христианско-демократическая партия (Швеция)	Консерватизм	Нишевая партия	Конкуренция, попытки маргинализации правых популистов

Консерватизм в США

Идеологические особенности консерватизма в США

Специфика современного американского консерватизма заключается в том, что он в целом сохранил собственно консервативную идеологию. В США консерватизм в гораздо меньшей степени затронут процессом внутреннего перерождения, который типичен для мейнстримных консервативных партий Западной Европы. Это объясняется как давлением со стороны массовых консервативных движений снизу, так и эффектом влияния консервативных медийных проектов, которые противостоят размыванию и выхолащиванию консервативной идеологической повестки.

В США сегодня, в отличие от Западной Европы, консерватизм как политика определяется не по его самоназванию (за которым легко может скрываться либеральная идеология), а по соответствию его взглядов устойчивой идеологической платформе. В Америке консерватизм неотделим от религии, защиты традиционных моральных ценностей, требований «минимального» государства, расширения прав штатов и местного самоуправления, призывов к снижению налогов и вмешательства государства в экономику. Политику стоит лишь однажды выступить против одной из составляющей «консервативного пакета», чтобы его объявили «неконсерватором».

Ключевые положения консервативной идеологической платформы в США таковы:

– минимальное государство: низкие налоги, невмешательство государства в личную жизнь, отсутствие государственной социальной защиты, государственного медицинского страхования и школ с государственными программами преподавания, неприкосновенность полномочий штатов и органов местного самоуправления;

– максимальная свобода предпринимательской деятельности: ограничение полномочий Федеральной налоговой службы, независимый аудит деятельности Федеральной резервной системы (ФРС), снижение налогов и упрощение системы налогообложения;

– обеспечение энергетической независимости США: расширение добычи сланцевых нефти и газа в Америке и Канаде, борьба с «зеленой» идеологией, противодействие теории глобального потепления;

– сохранение традиционных ценностей: противодействие легализации однополых браков, противодействие легализации абортов и генной инженерии, запрет на оплату контрацепции, стерилизации и операций по изменению пола из средств государственной программы медицинского страхования Obamacare, право на свободу молитвы в школах и государственных учреждениях, свобода ношения оружия.

Особенность американского консерватизма заключается в том, что в его рамках *фактически отсутствует противоречие между социальным и экономическим консерватизмом*. Те же люди, которые призывают к защите традиционных моральных ценностей, в то же время отстаивают сохранение свободной конкуренции и противодействие бюрократизации общества. Американские консерваторы постоянно подчеркивают, что свобода и собственность неотделимы друг от друга, а свобода важна прежде всего для исповедования и проповеди религии и консервативных моральных ценностей.

Консерватизм в США базируется на приверженности ценностям, заложенным в Конституции и первых десяти поправках к ней («Билль о правах»). Его приверженцы настаивают на том, что их главная цель – защита свободы, то есть ключевой конституционной ценности. Это обстоятельство во многом определяет специфическую реакцию консерваторов на те или иные явления общественной жизни в США и за рубежом.

Например, американские консерваторы рассматривают гей-парад как допустимое явление не потому, что они согласны с идеей «равных прав сексуальных меньшинств», а потому, что право на свободу слова и собраний гарантировано Первой поправкой к Конституции. Не следует полагать, что консерваторы в США приветствуют сами гей-парады. Почти каждое такое мероприятие сопровождается контрпарадом, где звучат лозунги, весьма не толерантные по отношению к ЛГБТ-сообществу. В этом плане ошибочно

воспринимается критика в американских консервативных СМИ (например, на телеканале “Fox News”) российского закона о запрете гей-пропаганды среди несовершеннолетних. Многим консерваторам нравится отрицательное отношение российского общества к однополым бракам и их запрет в законодательстве РФ – однако запрет государством пропаганды со стороны ЛГБТ-сообщества оценивается как нарушение права на свободу слова и собраний.

Палеоконсерваторы и неоконсерваторы

Хотя в силу специфики избирательной системы американские консерваторы всех направлений вынуждены объединяться вокруг Республиканской партии, это не отменяет глубокой неоднородности консерватизма в США и наличия кардинальных противоречий между его направлениями.

Одним из основных расколов является конфликт между палеоконсерваторами и неоконсерваторами. В идейном плане палеоконсерваторы, которых сегодня представляют такие фигуры, как Патрик Бьюкенен, наиболее близкие историческому европейскому консерватизму и в то же время идеологии «отцов-основателей» США, особенно Томаса Джефферсона. Для палеоконсерваторов характерно пристальное внимание к сохранению традиционных моральных ценностей, обычаев и христианской религии, приверженность идеям «малого государства» и сокращения государственного вмешательства в экономику и социальную жизнь, скептическое отношение к активному вмешательству США в дела других стран.

Палеоконсерваторы являются наиболее симпатизирующей России группой среди американских консерваторов, хотя их влияние на политику сегодня, конечно, ограничено. Впрочем, идеи палеоконсерваторов во многом востребованы деятелями «Партии чаепития», которая стоит на позициях либертарианства и социального консерватизма. Наиболее близко к взглядам палеоконсерваторов стоит сенатор Рэнд Пол, один из основных республиканских претендентов на выдвижение кандидатом в президенты на выборах 2016 года. Правда, в отличие от своего отца, экс-конгрессмена Рона Пола, Рэнд Пол подверг критике статью В. Путина в “New York Times” и осудил российскую политику во время украинского кризиса, в частности, воссоединение с Крымом.

Столь влиятельные в минувшем десятилетии неоконсерваторы, напротив, далеки от традиционных консервативных ценностей. Изначально они представляли собой интеллектуальное течение американских левых, симпатизировавшее троцкизму и негативно относившееся к СССР, и пропагандировали распространение американской модели демократии по всему миру. Постепенно они пришли к выводу о том, что обеспечить реализацию их главной идеи о насаждении демократии по всему миру может лишь опора на консервативную часть американского общества, которая в силу патриотических побуждений поддержит подобную политику.

Бывшие левые в 1970–1980-х годах примкнули к Республиканской партии США и стали из прагматических соображений поддерживать консервативную идеологию, внеся в нее требования агрессивного внешнеполитического курса, насаждения демократии по всему миру и «гуманитарных интервенций». На руку неоконсерваторам сыграло то обстоятельство, что в глазах основной массы американских консерваторов (прежде всего религиозных правых) агрессивная внешняя политика и насаждение в мире демократии отождествлялось с успешным курсом их кумира – президента Рональда Рейгана и победой в «холодной войне».

Неоконсерваторы фактически использовали консервативные настроения части американского общества ради реализации собственной политической утопии. В глубине души они остались чужды идеям защиты традиционных ценностей, которые служили для них лишь инструментом мобилизации электората в поддержку своих внешнеполитических концепций.

Принципиальным для неоконсерваторов является ограниченный набор вопросов внешней политики: обеспечение исключительной роли США в мире, установка на односторонние (в том числе военные) действия на мировой арене, глобальное насаждение

демократии и всемерная поддержка политики Израиля[1]. Поскольку собственно консервативная ценностная повестка здесь практически отсутствует, это привело к чрезмерной политической гибкости данного течения. Так, неоконсерваторы охотно поддерживали Республиканскую партию и ее консервативную идеологию в период президентства Дж. Буша-младшего, на внешнюю политику которого они оказывали огромное влияние. Но ослабление их позиций после поражения Митта Ромни на выборах 2012 года привело к тому, что неоконсерваторы стали массово переходить на сторону Хиллари Клинтон, ожидаемого кандидата Демократической партии на выборах 2016 года, невзирая на ее либеральные взгляды.

Неоконсерваторы сегодня делают ставку на этого кандидата лишь потому, что она поддерживает идею агрессивного насаждения демократии в мире. Это обстоятельство иллюстрирует чуждость неоконсерваторов собственно консервативной идеологии, их паразитический характер по отношению к американскому консерватизму. В то же время уход неоконсерваторов из Республиканской партии, их перерождение в либеральных «вильсоновских[2] глобалистов» открывают перед консерваторами-республиканцами возможность коренным образом пересмотреть свое отношение к вопросам внешней политики перед выборами 2016 года.

Низовые консервативные движения. «Партия чаепития»

В рамках избирательной системы США создание новой (третьей) партии и ее приход во власть по итогам выборов практически невозможны. Поэтому американские консерваторы еще с 1950-х годов сконцентрировались на установлении контроля над Республиканской партией и навязывании ей своей повестки. К концу 1970-х годов консерваторы благодаря массовым движениям религиозных правых (например, «Моральное большинство» Джерри Фалуэлла) взяли Республиканскую партию под контроль. С тех пор Республиканская партия из идеологически аморфной структуры превратилась в партию с консервативной идеологией. Она остается таковой и по сей день.

Движения религиозных правых оказались настолько важны для республиканцев в электоральном плане, что истеблишмент партии с тех пор волей-неволей вынужден заимствовать и продвигать ту повестку, которую навязывают эти силы. Речь идет прежде всего о социальном консерватизме религиозных правых, ориентированном на защиту традиционных моральных ценностей.

Второй консервативной волной в Республиканской партии стало движение «Партия чаепития», оформившееся в 2009–2010 годах в качестве «низовой» консервативной реакции на леволиберальную политику Обамы. После неудачного президентства Дж. Буша-младшего истеблишмент Республиканской партии был деморализован, а серьезное сопротивление курсу Обамы смогла оказать лишь «Партия чаепития», опирающаяся на низовых активистов. Первого крупного успеха «Партия чаепития» достигла на промежуточных выборах в Конгресс США в 2010 году, на которых с ее помощью республиканцы завоевали большинство в Палате представителей.

Кандидаты «Партии чаепития» одержали в 2010 и 2012 годах на праймериз Республиканской партии множество побед над классическими республиканцами, а затем выиграли большое число выборов в Конгресс США. В 2010–2014 годах именно сторонники «Партии чаепития» (социальные консерваторы и либертарианцы) смогли не просто оживить Республиканскую партию, но подорвать в США культ личности Барака Обамы, который, как представлялось в 2008–2009 годах, надолго обеспечил безусловную победу левых либералов. Под влиянием «Партии чаепития» само слово «популизм» в последние годы

[1] О неоконсерватизме см.: *Межуев Б.* Конец неоконсерватизма? Республиканские праймериз в преддверии Южной Каролины // Terra America. 2012. 20 января. URL: http://www.terra-america.ru/konec-neokonservatizma.aspx

[2] В честь президента США Вудро Вильсона (1913–1921), автора идеи Лиги наций – предшественницы современной ООН.

приобрело положительную окраску в американском политическом лексиконе[1].

Идеология «Партии чаепития» представляет собой специфическую смесь либертарианства, социального консерватизма, правого популизма и американского национализма. Хотя внутри «Партии чаепития» нет полного согласия в отношении идеологии, все-таки существует твердый идейный фундамент, на котором стоят все видные политики этого направления, успешно навязывая его в качестве официальной программы Республиканской партии. На портале teaparty.org представлены пятнадцать основных, «не обсуждаемых», принципов «Партии чаепития»:

1) нелегальные иммигранты должны быть объявлены вне закона;

2) преимущество при найме должно предоставляться местным жителям;

3) Америка должна иметь мощные вооруженные силы;

4) специальные интересы[2] должны быть исключены из политики;

5) право на оружие должно быть неприкосновенным;

6) сфера компетенции правительства должна быть уменьшена;

7) национальный бюджет должен быть сбалансированным;

8) с бюджетными дефицитами следует покончить;

9) спасение государством компаний-банкротов и планы по стимулированию экономики должны быть запрещены;

10) подоходный налог на граждан должен быть снижен;

11) налоги на бизнес должны быть понижены;

12) госучреждения должны быть открыты для обычных граждан;

13) вмешательство правительства в жизнь граждан и хозяйственную деятельность должно быть прекращено;

14) английский язык должен оставаться главным национальным языком;

15) традиционные семейные ценности должны всячески поощряться.

В целом «Партия чаепития» представляет обширный лагерь социальных консерваторов и либертарианцев, которые недовольны нынешним курсом Белого дома и стремятся к радикальным изменениям в американской внутренней политике. На руку движению играет то, что его приверженцы децентрализованы и расходятся во взглядах по ряду вопросов. Сторонники «Партии чаепития» рассматривают данную ситуацию не как слабость, а как силу. Это позволяет в полной мере задействовать потенциал низового активизма правого толка, без которого оказалась бы бесполезной финансовая поддержка со стороны бизнеса.

Общим идейным фундаментом «Партии чаепития» является возврат к принципам «отцов-основателей», то есть к ценностям XVIII–XIX веков, которые юридически закреплены в Конституции США и «Билле о правах». Эта позиция охватывает и призывы либертарианцев к сокращению полномочий государства, и требования социальных консерваторов и религиозных правых о защите традиционных моральных ценностей и устоев американского образа жизни, и предложения палеоконсерваторов «не нести демократию туда, где ее не поймут». «Партия чаепития» успешно использует идеи сразу нескольких основных направлений современного американского консерватизма. Ее руководители сознательно продвигают и поддерживают политиков, которые способны хотя бы от-

[1] Подробное исследование современного популизма в США см.: *Демченко Н.* Сменщик Обамы по левому флангу. Что стоит за нью-йоркским экспериментом и зачем либералам де Блазио? // Terra America. 2013. 23 октября. URL: http://www.terra-america.ru/smenshik-obami-po-levomu-flangu.aspx; *Лурье С.* Приступы американского изоляционизма. Рон Пол и его либертарианский пацифизм – насколько это всерьез, и полезно ли это для России? // Terra America. 2013. 28 октября. URL: http://www.terra-america.ru/pristupi-americanskogo-izolyacionizma.aspx; *Петров Д.* Power to the People! Или наследие Сола Алинского. Не болтуны, но организаторы и народные представители // Terra America. 2013. 31 октября. URL: http://www.terra-america.ru/power-to-the-people-ili-nasledie-sola-alinskogo.aspx; *Штепа В.* Субсидиарность по-американски. Как сепаратисты всех мастей защищают основы конституционного строя // Terra America. 2013. 23 октября. URL: http://www.terra-america.ru/subsidiarnost-po-americanski.aspx

[2] Имеется в виду корпоративный и этнический лоббизм.

части объединить повестку либертарианцев, социальных консерваторов и палеоконсерваторов, – такие фигуры, как, например, сенаторы Рэнд Пол и Тед Круз, конгрессмен Пол Райан. *По идеологии и месту в политическом спектре «Партия чаепития» в целом соответствует новым партиям Западной Европы, стоящим на позициях правого популизма и евроскептицизма.*

Накануне промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 2014 года и президентских выборов 2016 года Республиканская партия формулирует свою программу с учетом решающего значения повестки «Партии чаепития» и необходимости объединения усилий различных консервативных течений. Материалы выступлений на последнем ежегодном неформальном съезде республиканцев в 2014 году показывают, что Республиканская партия консолидируется вокруг следующих основных идей:

– объединение усилий всех консервативных течений в борьбе против леволиберального политического курса Обамы и его администрации;

– «Возврат к Конституции»: за этим лозунгом скрывается продвигаемая «Партией чаепития» программа внутриполитических и социально-экономических реформ, направленная на сокращение роли государства в экономике и общественной жизни;

– возврат к наследию Рейгана – последнего по-настоящему успешного президента-республиканца. Во внешней политике подобная установка может спровоцировать конфликт с Россией. За исключением большинства палеоконсерваторов, остальные американские консерваторы склонны отождествлять современную Россию с СССР, который Рейган называл «империей зла» и «безбожной державой».

Секрет политического успеха «Партии чаепития» сводится к трем составляющим:

– умение создать максимально широкую коалицию сторонников консервативных взглядов. Повестка, требования, спикеры «Партии чаепития» подобраны таким образом, чтобы по возможности затушевать спорные вопросы между различными направлениями американского консерватизма и, напротив, сделать акцент на том, что их объединяет. В свою очередь, консерваторы различных направлений учитывают то, что сотрудничество с «Партией чаепития» – эффективный способ побеждать на выборах и проводить в жизнь собственную повестку. Это обстоятельство побуждает их идти на максимально тесное сближение с данным движением;

– способность взять под контроль процесс выдвижения кандидатов-республиканцев на местах. По своей структуре «Партия чаепития» представляет собой широкое общественное движение. Его активность сконцентрирована на том, чтобы обеспечивать победу на праймериз в Республиканской партии и на выборах тем политикам-республиканцам, которые разделяют идеи «Партии чаепития». С этой целью движение на местах проводит многочисленные мероприятия своих сторонников (например, регулярные «Дни налогоплательщика»), проявляет большую активность в Интернете, систематически занимается фандрайзингом. Результатом этой непрерывной масштабной активности являются многочисленные победы кандидатов «Партии чаепития» на праймериз, что очень сильно уменьшило влияние традиционного истеблишмента на ситуацию в Республиканской партии;

– эффективное использование новых методов коммуникаций и фандрайзинга, в том числе посредством Интернета. Это позволило активистам «Партии чаепития» обойти барьер традиционных СМИ и обратиться напрямую к той части американского среднего класса, которая считает, что обе главные партии игнорируют ее проблемы. Ответом стала волна низового активизма приверженцев либертарианских и правопопулистских идей, которая подняла «Партию чаепития» на вершину американской политики.

В плане установления контроля над Рес–публиканской партией сторонники «Партии чаепития» добились значительно больших успехов, чем религиозные правые и социальные консерваторы в 1970–1980-х годах. Уже на промежуточных выборах в Конгресс США в 2010 году было избрано приблизительно 60 приверженцев «Партии чаепития», причем этот успех был закреплен на парламентских выборах в 2012 году. Характерно

и то, что те же либертарианцы, которые изначально склонялись скорее в сторону Демократической партии, сегодня во многом заимствовали консервативную повестку.

За последние четыре года «Партия чаепития» установила контроль над повесткой и программой Республиканской партии в целом, причем этот процесс резко ускорился после поражения связанного с истеблишментом Митта Ромни на президентских выборах в 2012 году. В результате на неформальном съезде республиканцев – Консервативном конгрессе (CPAC) в 2013 году – было официально объявлено, что именно «Партия чаепития» является основной ударной силой республиканцев в борьбе с Демократической партией, и почти никто не стал оспаривать этот тезис.

Начиная с 2010 года «Партия чаепития» стала важной составляющей Республиканской партии, более важной для ее электоральных успехов в масштабе всей страны, чем неоконсерваторы и «ястребы», рокфеллеровские глобалисты вроде Ч. Хейгела либо республиканцы-либералы (RINO – Republicans In The Name Only) наподобие К. Кристи. На президентских и парламентских выборах 2012 года программа кандидатов-республиканцев практически по всем пунктам совпадала с идеями «Партии чаепития». По оценке экспертов, в ближайшие годы Республиканская партия без поддержки «Партии чаепития» будет неспособна успешно конкурировать на выборах с Демократической партией и в перспективе не сможет сохранить свой статус одной из двух главных американских партий.

За несколько лет интеграции в Республиканскую партию сторонники «Партии чаепития» заняли настолько серьезные позиции, что фактически приобрели в ней «контрольный пакет акций». Согласно опросу, проведенному Институтом Гэллапа и телеканалом ABC, в 2011 году 53% сторонников Республиканской партии считали, что «чайная» повестка должна стать основой программы партии, а еще 35% полагали, что отдельные пункты этой повестки важны для партии. На фоне «закрытия правительства» (Shutdown) осенью 2013 года доля сторонников «чайной» повестки среди избирателей республиканцев достигла уже 55%.

Подавляющее большинство ядерного электората республиканцев целиком или частично поддерживает идеологию «Партии чаепития». Среди перспективных молодых лидеров рес–публиканцев лишь губернатор штата Нью-Джерси Крис Кристи является либералом (RINO), тогда как четверо остальных – Рэнд Пол, Марк Рубио, Пол Райан, Тед Круз – сторонники «Партии чаепития». В настоящее время ни один кандидат от республиканцев на президентский пост не может рассчитывать на победу на выборах и даже на праймериз, если он находится в конфликте с «Партией чаепития».

Лидеры республиканцев вынуждены идти на поклон к «Партии чаепития», включая ее предложения в свою программу и заключая альянсы с ее представителями. Например, так поступил М. Ромни[1] в ходе президентской кампании в 2012 году: он заимствовал идеи «Партии чаепития» по бюджетной политике и сделал ее представителя П. Райана своим кандидатом в вице-президенты. Все это означает, что «Партия чаепития» будет определять повестку республиканцев на выборах в Конгресс США в ноябре 2014 года.

Под влиянием «Партии чаепития» идет ускоренный процесс перерождения Республиканской партии в аналог правопопулистских партий Западной Европы, при этом республиканцы идеологически становятся гораздо более консервативной силой. В настоящее время единственная реалистичная цель традиционного либерального истеблишмента Республиканской партии – предотвратить выдвижение кандидатом в президенты в 2016 году политика с изоляционистской внешнеполитической программой, например, Рэнда Пола. О противодействии же навязыванию республиканцам внутриполитической повестки «Партии чаепития» не идет и речи. Истеблишмент смирился с включением в программу Республиканской партии таких радикальных требований либертарианцев, как независимый аудит Федеральной резервной системы, полное невмешательство

[1] М. Ромни – житель Массачусетса, одного из наиболее либеральных штатов, где он избирался губернатором, несмотря на принадлежность к весьма консервативной конфессии мормонов.

государства в частную жизнь и введение единой «плоской» ставки подоходного налога.

Медийные проекты американских консерваторов

Важнейшей составляющей современного американского консерватизма является развитая медиаинфраструктура. Благодаря этому консерваторы на протяжении десятков лет ведут «культурные войны» с либералами, не позволяя им добиться безоговорочного доминирования в масс-медиа. Такие СМИ, как “Fox News” и “National Review”, и такие «культовые» фигуры, как Гленн Бэк и Раш Лимбо, обеспечивают распространение и популяризацию консервативных взглядов среди десятков миллионов американцев.

Интерес консерваторов к массовым коммуникациям зародился еще в 1960-х годах, когда они пришли к выводу о необъективности главных либеральных СМИ, которая граничила с прямой пропагандой и даже фальсификацией фактов и новостей. С консервативной точки зрения, говоря о своей объективности и беспристрастности, руководители и журналисты либеральных СМИ скрывали истинное положение дел и навязывали публике свой взгляд на политические проблемы. После поражения на президентских выборах 1964 года республиканца Барри Голдуотера, который столкнулся с ожесточенным противодействием либеральных масс-медиа, американские консерваторы начали систематически разоблачать пристрастность и предвзятость либеральных СМИ, опираясь на собственные научные исследования.

Консерваторы сформулировали свой подход к масс-медиа, основой которого стало проведение различия между объективностью и беспристрастностью. С их точки зрения, объективность издания (то есть точное изложение фактов) вполне совместима с предвзятостью (оценкой фактов с консервативной точки зрения). Консерваторы полагают, что характерные для либералов отождествление объективности с беспристрастностью и требование разделять факты и мнения скрывают глубоко укоренившиеся в СМИ либеральные идеи и прячут искажения фактов в публикациях. Данной установкой обусловлено и стремление американских консерваторов к ведению полемики в СМИ: они полагают, что только в процессе полемики смогут адекватно и полностью представить гражданам собственные идеи.

Ключевой инструмент воздействия на общественное мнение для американских консерваторов – медиа-империя “Fox News”, центром которой является одноименный телеканал. Создатель “Fox News”, республиканец Роджер Эйлс, доказал, что консервативные новости и передачи могут быть популярными и прибыльными. По оценке американских экспертов, Эйлс успешно применил «развлекательные методы и технологии для формирования политической повествовательной линии консервативной направленности».

В 1996 году, к моменту старта “Fox News”, леволиберальный крен основных американских СМИ (прежде всего телевидения) был очевиден. По данным опросов, примерно 80% журналистов считали себя атеистами, что кардинально отличалось от взглядов общества в целом. Сторонники консервативных взглядов были сильно ограничены в доступе на телевидение, а их повестка систематически искажалась в СМИ, представители которых говорили о «соблюдении объективности». В той ситуации “Fox News” оказался настоящей отдушиной для консервативной части телезрителей.

Основой политики “Fox News” стало предоставление республиканцам и консерваторам тех же возможностей излагать свои взгляды, что и либералам. Успех не заставил себя ждать: с 2006 года “Fox News” стал в США кабельным телеканалом № 1, обойдя CNN и MSNBC. По итогам 2013 года “Fox News” оставался лидирующим по численности зрителей (в том числе в ключевой возрастной категории от 24 до 54 лет) и самым успешным телеканалом в стране. Этот телеканал вызывает восторг у сторонников консервативных взглядов и настоящую ненависть в среде левых либералов, которые склонны обвинять “Fox News” в распространении расизма, сексизма и гомофобии. Сам президент Обама публично называет телеканал «рупором республиканцев». При этом либералов среди сотрудников и ведущих “Fox News” куда больше, чем консерваторов на либеральных телеканалах, которые в по-

следние годы стараются избавляться от наиболее ярких из них[1].

Уже многие годы продвижение консервативных взглядов в США осуществляют несколько ведущих популярных радиопередач с многомиллионной аудиторией слушателей. Речь идет о таких медиа-звездах, как Марк Левин, Раш Лимбо и Гленн Бек. Каждый из них ведет или вел в прошлом на радио и на телевидении ток-шоу национального уровня, руководит производством контента консервативной направленности для десятков радиостанций по всей стране и является мультимиллионером.

Важным рупором консервативных идей в США являются популярные публицисты и блогеры, которые привлекают аудиторию за счет харизмы и увлекательной манеры изложения. В их числе надо назвать такие фигуры, как Энн Коултер, Чарльз Кратхаммер, Эмметт Тайрелл, Томас Соуэлл, Ли Эдвардс, Зев Чафев, Диана Уэст, Эндрю Маккарти, Джеймс Вудс.

Хотя по оценке таких консерваторов, как Патрик Бьюкенен, в настоящее время в США «культурную войну» выигрывают либералы, очевидно, что без развитой медиаинфраструктуры американские консерваторы давно потерпели бы сокрушительное и окончательное поражение. Без собственных сильных медиапроектов их постигла бы участь большинства мейнстримных консервативных партий Западной Европы, которые де-факто усвоили неолиберальную идеологию и постхристианскую моральную повестку.

Новые внепартийные консервативные движения на Западе

Отход мейнстримных консервативных партий от консервативной идеологии создает предпосылки не только для развития новых правопопулистских партий, но и для появления внепартийных консервативных движений. Условия для этого сложились в первую очередь в Западной Европе. В ряде стран Восточной Европы (Польша, Венгрия) ведущие партии остаются приверженными консервативной идеологии и традиционным ценностям. В США Республиканская партия по электоральным соображениям неразрывно связана с «низовыми» консервативными движениями (прежде всего «Партия чаепития», а также существовавшее в прошлом «Моральное большинство»). Напротив, в Западной Европе перерождение мейнстримных консервативных партий открывает дорогу для появления внепартийных движений консервативной идеологической направленности.

Наиболее ярким примером этого явления стало французское движение “Manif Pour Tous”, направленное против легализации однополых браков. Президент Ф. Олланд в 2012 году, выполняя свои предвыборные обещания, инициировал принятие законов[2] о введении во Франции однополых браков и разрешении однополым парам усыновлять детей. Опираясь на большинство в парламенте, Олланд и правящие социалисты полностью проигнорировали мнение значительной части[3] общества, выступившей против этих новшеств, считая, что предоставление гомосексуальным союзам равного статуса с традиционным браком приведет к разрушению института семьи как такового.

В январе 2013 года Олланд отказал противникам введения однополых браков в праве на референдум[4] по данным законопроектам, хотя они затрагивают фундаментальные аспекты общественной морали и культуры. Социалисты подчеркивали, что идея гей-браков была в предвыборной про-

[1] Например, в феврале 2012 года известный консервативный публицист Патрик Бьюкенен был вынужден уйти с телеканала MSNBC. Причиной стала публикация в 2011 году его книги «Самоубийство сверхдержавы: доживет ли Америка до 2025 года?», идеи которой пре-зидент телеканала Фил Гриффин назвал неприемлемыми для обсуждения.

[2] Эти законы в итоге были приняты в апреле 2013 года.

[3] По данным исследований TNS, в 2012 году легализацию однополых браков поддерживали только 58% французов.

[4] Французские консервативные организации с самого начала призывали провести референдум о легализации однополых браков и собрали 700 тыс. подписей за его проведение.

грамме их кандидата, следовательно, победу Олланда на президентских выборах можно считать уже состоявшимся аналогом референдума по этому вопросу и сам референдум не нужен.

Ответом консервативно настроенной части французского общества стала организация массового протестного движения. Оно началось с договоренности всех шести основных конфессий[1] Франции о совместной борьбе против легализации гей-браков. Основную работу по подготовке протестного движения провела Католическая церковь, чьи епископы и священники развернули широкую общественную кампанию по мобилизации противников однополых браков.

Вслед за выступлениями представителей церкви активизировались консервативные (прежде всего католические) общественные организации (более 30), многие из которых возникли «снизу» именно в связи с данным поводом. Расследование либеральной газеты "Le Monde" показало, что большая часть консервативных организаций, которые непосредственно организовали протестное движение, связаны с Католической церковью – напрямую или через связи их руководителей.

Постепенно в борьбу стали включаться видные представители и члены Национального фронта и партии «Союз за народное движение». Обе партии высказались против легализации однополых браков и голосовали в парламенте «против», но ни одна из них не сумела взять на себя руководство протестом – в том числе потому, что их руководство воздерживалось однозначно ассоциировать себя с массовым консервативным и католическим движением. Например, Марин Ле Пен демонстративно не присутствовала на протестных манифестациях, заявив, что борьба по поводу однополых браков – это попытка оживить старый раскол между левыми и правыми, чтобы отвлечь общественное мнение от наиболее важных актуальных проблем французов. Хотя Ле Пен подчеркивает, что французская идентичность – это христианская идентичность, она выступает за незыблемость принципа отделения церкви от государства, видя в нем одно из главных средств защиты от растущего влияния ислама. Ле Пен подчеркивает, что религиозные нормы не должны становиться основой для законодательства. Это вызывает негативную реакцию со стороны части французских консерваторов, которые тесно связаны с Католической церковью и причастны к организации движения "Manif Pour Tous".

В период обсуждения закона в парламенте, с ноября 2012 по март 2013 года, Париж сотрясали марши и митинги противников закона, в которых приняли участие сотни тысячи[2] человек (по ряду оценок – более миллиона). Наиболее масштабными оказались три марша[3] "Manif Pour Tous", которые сопровождались столкновениями с полицией и угрозами штурма Елисейского дворца.

Именно "Manif Pour Tous"[4] стала непосредственным организатором массовых протестных акций – при этом ее деятельность обеспечивалась и поддерживалась сетью консервативных организаций[5] и идейно направлялась Католической церковью. Эта структура оказалась чрезвычайно успешной в деле уличной мобилизации консервативной части французского общества. На протяжении полугода она регулярно устраивала сидячие забастовки, креативные протестные акции, вела масштабную Интернет- и медиаактивность, организовывала все действительно масштабные протестные марши и митинги.

[1] Католики, протестанты, православные, мусульмане, иудеи, буддисты.

[2] Например, по разным оценкам в марше "Manif Pour Tous" в январе 2013 года в Париже приняло участие от 350 тыс. до 1 млн человек. Французские СМИ отмечали, что в среднем массовые мероприятия противников однополых браков были примерно в пять раз более многочисленными, чем акции их сторонников.

[3] Первый марш прошел 17 ноября 2012 года, второй – 13 января 2013 года, третий – 24 марта 2013 года.

[4] Название переводится как «Демонстрация для всех». Оно было выбрано в ответ на название законопроекта о легализации однополых браков «Брак для всех».

[5] В первую очередь, поддержку "Manif Pour Tous" оказывала Национальная конфедерация католических семейных ассоциаций, резко выступающая против ЛГБТ-сообщества.

Важнейшей составляющей успеха "Manif Pour Tous" стал выбранный ею способ работы с общественным мнением. Движение сознательно отказалось от любых проявлений неприязни к ЛГБТ-сообществу как таковому. "Manif Pour Tous" продвигали не идею о том, что представители ЛГБТ-сообщества – плохие, а идею о необходимости защиты традиционных ценностей, собственной семьи и своей страны от угрозы их будущему. Таким образом, была сделана ставка на мобилизацию максимальной поддержки в обществе за счет привлечения колеблющихся граждан в ряды движения, чья повестка носит консервативный, традиционалистский характер. С этой целью лицами "Manif Pour Tous" были выбраны: Фриджит Бардо – привлекательная и харизматичная юмористка; Лоранс Чэн – левая активистка, выступающая против однополых браков, родом из Юго-Восточной Азии; Ксавье Бонжибо – лидер ассоциации «Геи против однополых браков», наглядно демонстрирующий отсутствие у протестного движения негативного отношения к ЛГБТ.

Выбранный способ работы с общественным мнением обеспечил привлечение на мероприятия "Manif Pour Tous" множества людей самых разных взглядов – не только консерваторов и католиков, но и атеистов, людей умеренных взглядов, массы ранее аполитичной молодежи и молодых семей.

Наконец, на последнем этапе своего развития "Manif Pour Tous" резко расширило повестку, выйдя за пределы вопросов защиты традиционного брака и семьи и обратившись к социальной проблематике. Вдобавок к лозунгам «Все рождены мужчиной и женщиной!» и «Ни родителя А, ни родителя В: Отец и Мать!» появились лозунги вроде «Не трогайте брак. Займитесь безработицей!». После того как Ф. Олланд и социалисты проявили категорическое нежелание учитывать позицию протестующих, движение приобрело резко оппозиционный характер.

В отношении поставленной цели "Manif Pour Tous" не смогло добиться успеха: закон о легализации однополых браков был принят, несмотря на размах протестного движения. В то же время опыт "Manif Pour Tous" продемонстрировал как масштаб запроса на консервативную политическую силу во французском обществе, так и возможности для организации массового внепартийного консервативного движения.

Активность "Manif Pour Tous", безусловно, стала одной из основных причин обвального снижения в 2013–2014 годах популярности президента Ф. Олланда и его Социалистической партии. Зато в несомненном выигрыше оказался Национальный фронт и его лидер Марин Ле Пен. Победа этой партии во Франции на выборах в Европарламент в мае 2014 года во многом обусловлена поддержкой со стороны бывших участников протестного движения, которым близка позиция Национального фронта, соединившего защиту традиционных ценностей с социальными требованиями.

Глава 3

Россия в западной полемике о консерватизме

В пространстве западной политики и СМИ существует прочная связка «Россия – Путин – консерватизм». Общим местом стало мнение, что президент В. Путин является консервативным политиком, под руководством которого Россия совершает «консервативный поворот» и во внутренней, и во внешней политике. Иностранные эксперты считают, что впервые после 1991 года Россия активно использует идеологию на мировой арене, пытаясь занять ныне пустующую нишу страны, защищающей традиционные моральные ценности[1].

Сначала наблюдатели скептически восприняли обращение российского руководства к идеям консерватизма, высказывая сомне-

[1] См., напр.: *Owen, Matthews*. Vladimir Putin`s New Plan For World Domination // The Spectator, 22.02.14.

ния в искренности подобных шагов. Однако восприятие «консервативного поворота» резко изменилось после выступления Путина на Валдайском форуме в сентябре 2013 года и его ежегодного обращения к Федеральному Собранию в декабре того же года[1]. С этого времени западные эксперты стали склоняться к мнению, что консервативная идеология используется Россией для завоевания по всему миру симпатий тех сил, которые противостоят господствующему западному либерализму с его мультикультурностью, разрушением традиционных ценностей и защитой прав сексуальных меньшинств.

«Консервативный поворот» России практически сразу же спровоцировал острую полемику среди консерваторов в США. Ведущий идеолог палеоконсерватизма Патрик Бьюкенен в декабре 2013 года опубликовал ставшую знаменитой статью «Путин – один из нас?», в которой он охарактеризовал российского президента как единомышленника для американских консерваторов в борьбе за традиционные ценности[2]. Фактически Бьюкенен открыто провозгласил Владимира Путина «великим консерватором», ценности которого идентичны ценностям здоровой части американского общества.

Вслед за этим один из влиятельных консервативных новостных комментаторов Мэтт Дражд назвал Путина «лидером свободного мира» в связи с тем, что российский президент поддерживает православие – традиционную религию своей страны, – противостоит ЛГБТ-сообществу, проводит сбалансированную бюджетную политику и сохраняет низкий подоходный налог[3]. По мнению видного консервативного политика Уильяма Линда, благодаря начатому Путиным «правому повороту» Россия возвращается к своей традиционной роли – ведущей консервативной державы, которая была свойственна ей до революции 1917 года[4].

Среди американских интеллектуалов, симпатизирующих России, следует назвать, например, такую фигуру, как Род Дрейер, ведущий редактор журнала «Американский консерватор», который сочетает приверженность христианскому традиционализму и озабоченность экологическими проблемами. Именно Дрейер вслед за Бьюкененом назвал Путина «лидером христианского консерватизма во всем мире» и сказал, что «христиане на Ближнем Востоке имеют большего друга во Владимире Путине, чем в Бараке Обаме и Джордже Буше»[5]. Значимую роль в лагере американских консерваторов играет и руководитель Американской семейной ассоциации Брайан Фишер, который назвал Путина «львом христианства»[6].

Наконец, один из создателей консервативного телеканала “Fox News” Джек Ханик в 2013 году принял приглашение поработать в России, чтобы помочь в реорганизации православного телеканала «Спас» в консервативный общественно-информационный канал для более широкой аудитории. Ханик заявляет, что Россия гораздо более привержена традиционным ценностям, чем США, и их защита в нашей стране является более легким делом.

Пророссийские настроения вызвали резкую реакцию со стороны другой части американских консервативных публицистов. Например, палеоконсерватор Леон Хадар назвал размышления Бьюкенена «фантазией» и оценил Путина как авторитарного правого политика, а не консерватора американского типа[7]. Дополнительно осложнил ситуацию кризис на Украине, часть американских консерваторов перешла на антироссийские позиции или по крайней мере воздерживается высказывать симпатии в адрес Путина. Даже либертарианец сенатор Рэнд Пол, всегда неплохо относившийся к

[1] См., напр.: *Whitmore, Brian.* Vladimir Putin, Conservative Icon // The Atlantic, 20.12.13.

[2] *Buchanan, Pat.* Is Putin One of Us? // Townhall.com, 17.12.13.

[3] *Taylor, Adam.* Pat Buchanan Tells The Truth About Putin That American Conservatives Don’t Want to Hear // Business Insider, 17.12.2013.

[4] *Lind, William S.* Russia’s Right Turn // The American Conservative, 11.02.2014.

[5] *Drener, Rod.* Putin The Paleo? // The American Conservative, 18.12.2013.

[6] Fischer Praises Putin, Calls Him A “Lion of Christianity” // Right Wing Watch, 10.10.13. URL: http://www.rightwingwatch.org/content/fischer-praises-putin-calls-him-lion-christianity#sthash.flNHw21L.dpu

[7] *Hadar, Leon.* The Right’s Putin Problem // The American Conservative, 25.02.2014.

России[1] и выступавший против вмешательства США в дела Украины, после референдума в Крыму изменил свою точку зрения и примкнул к тем, кто критикует Белый дом за недостаточно жесткие санкции в отношении России. В результате полемики и разворачивающегося украинского кризиса большая часть американских консерваторов пока дистанцируется от поддержки России и проявляет скепсис в отношении консервативной риторики Путина.

Вместе с тем наступление на Западе либерализма с его постхристианской повесткой (в первую очередь по вопросам прав сексуальных меньшинств), которую продвигает администрация Обамы, – очевидный факт, который невозможно игнорировать. *Консервативная среда в США объективно вынуждена искать «сильного лидера», способного противостоять этим тенденциям*. Американские консерваторы признают, что Путин «обращается к настроению всё большего количества обитателей Запада» и является сегодня единственным глобальным лидером, публично выступающим в защиту традиционных ценностей в условиях натиска либералов с их постхристианской идеологией. Это обстоятельство стимулирует рост политических и социокультурных симпатий американских консерваторов к В. Путину, ставший заметным в последние два года. По данному поводу известный консервативный политик Уильям Линд высказался следующим образом: *«Нам нужно уважать право меньшинств на отличие, но права большинства не должны ставиться под сомнение, утверждает Путин. Американские консерваторы могут только мечтать о президенте собственной страны, который говорит такие вещи»*[2].

Значительная часть американских граждан испытывает симпатии к российскому президенту вне зависимости от его идеологии. В Америке сложился своего рода культ поклонников Владимира Путина как сильного лидера, «мужественного мачо». Число сторонников подобных взглядов очевидно шире, чем круг тех, кто поддерживает Путина как выразителя консервативной идеологии. Например, бывший губернатор Аляски и кандидат республиканцев в вице-президенты в 2008 году Сара Пейлин назвала Путина на “Fox News” «куда более мужественным, чем президент США». Видный республиканец, бывший мэр Нью-Йорка Руди Джулиани даже заявил, что, отстаивая интересы России в Крыму, Путин показал навыки истинного лидера, пекущегося об интересах своего Отечества[3]. К восхищению личностью президента России недавно присоединился даже сверхпопулярный консервативный радиоведущий Раш Лимбо[4]. Важно отметить, что в этих случаях речь идет не о палеоконсерваторах вроде Бьюкенена, а о статусных политиках Республиканской партии, ее мейнстримных фигурах.

Поддержка Путина в США как сильного лидера априори неприемлема для либералов – сторонников Обамы, которые находятся в альянсе с радикальным феминизмом и защищают права сексуальных меньшинств. В. Путин – живой кошмар американского левого либерала. Российский президент олицетворяет собой всё то, что Запад «преодолевал» во вторую половину XX века – «белый мужчина-традиционалист», чьи взгляды и ценности глубоко консервативны. Поэтому господствующие в СМИ левые либералы автоматически относят всех поклонников Путина к числу «консерваторов»[5]. Тема «консерваторы преклоняются перед крутыми парнями вроде Путина, которыми движет тестостерон» активно используется либералами для критики консерваторов[6] вплоть до

[1] Так, Рэнд Пол поддержал решение России предоставить политическое убежище Эдварду Сноудену, несмотря на требования США выдать его.

[2] *Lind, William S.* Russia’s Right Turn // The American Conservative, 11.02.2014.

[3] См.: *Horsey, David.* Conservatives Harbor an Odd Admiration for Vladimir Putin // LA Times, 07.03.2014.

[4] См.: *Chotiner, Isaac*. The Increasingly Awkward Conservative Crush on Putin // New Republic, 04.03.2014.

[5] *Cogan, Marin.* The Secret American Subculture of Putin-Worshippers // National Journal, 19.09.2013.

[6] *Horsey, David.* Conservatives Harbor an Odd Admiration for Vladimir Putin // LA Times, 07.03.2014.

недавних высказываний самого Обамы по поводу того, что «голый торс Путина нравится политикам-республиканцам».

Резюмируя, следует отметить, что современные консерваторы на Западе неоднозначно реагируют на «консервативный поворот» в России и соответствующую риторику президента Владимира Путина. *Правое течение среди консерваторов занимает в целом как минимум сдержанную, а как максимум – явно негативную позицию в отношении России и ее президента.* Особенно неоднозначна ситуация в США и Великобритании. Твердые в своей «правизне» социальные консерваторы в США (например, ортодоксальные католики, которые видят в России наследницу атеистического СССР и «раскольнической» Византии) воспринимают нашу страну весьма критично. Максимум, что они себе позволяют, это публичное признание Путина более сильным лидером, чем Обама (правые американские консерваторы), или высокую оценку эффективности российских действий в Крыму (лидер британской Партии независимости Соединенного Королевства Найджел Фарадж, который обвиняет ЕС в кровопролитии на Украине и призывает не вмешиваться в украинский кризис).

Левое течение западных консерваторов относится к России гораздо более дружественно. Консервативный мессидж В. Путина в его выступлении на Валдайском клубе и Послании Федеральному Собранию в 2013 году находит отклик преимущественно в тех средах, которые в наибольшей степени открыты для диалога между левыми и социальными консерваторами. Там, где сторонники этих идей сближаются и приходят к взаимопониманию, возникает очевидное сочувствие к России как силе одновременно и консервативной, и в определенной степени ревизионистской по отношению к существующему миропорядку.

Россия пользуется на Западе наибольшей поддержкой в тех общественных средах и группах, где силен левый консерватизм с его идеей защиты большинства. В этой связи следует упомянуть прежде всего лидера французского Национального фронта Марин Ле Пен, которая в настоящее время является, пожалуй, наиболее крупным пророссийским политиком в Западной Европе. Достаточно сказать, что Ле Пен – одна из немногих западных политиков, признавших результаты референдума о воссоединении Крыма с Россией. Судя по выступлениям Ле Пен и ее соратников, Национальный фронт признает Путина лидером подлинного консерватизма, защитником нравственных начал и традиционных ценностей европейской цивилизации.

Безусловно пророссийскую позицию занимают и праворадикальные партии «Йоббик» (Венгрия) и «Золотая заря» (Греция), для которых характерно объединение консервативной и социальной повесток.

Среди мейнстримных консервативных партий симпатии к России и Путину в связи с «консервативным поворотом» наблюдаются в весьма ограниченной форме в рядах Республиканской партии США, Консервативной партии Великобритании, баварского Христианско-социального союза, венгерского ФИДЕС – там, где внутри партий есть сильные фракции, сохраняющие приверженность консервативной идеологии и не перешедшие на позиции неолиберального консенсуса.

Напротив, пророссийские настроения доминируют в большинстве партий правых популистов и евроскептиков, которые существенно лучше усваивают представление о России как глобальном оплоте консерватизма и традиционных ценностей. При этом скепсис в отношении «консервативного поворота» наиболее силен в Великобритании, странах Скандинавии (без Финляндии), Нидерландах, Германии, Польше. Благожелательно Россию и Путина в качестве консервативной силы воспринимают во Франции, Италии, Австрии, Венгрии, Финляндии, отчасти в США.

Идеологи американского либерального истеблишмента в последнее время проявляют озабоченность растущими симпатиями к России и В. Путину среди западных консерваторов. В США уже вступила в действие своего рода «идеологическая полиция», которая тщательно подмечает делаемые в публичном пространстве положительные высказывания о Путине и старается блоки-

ровать распространение симпатий к России и ее лидеру. *Белый дом осознал проблему усиления пророссийских настроений среди консерваторов в Америке и Европе и будет пытаться покончить с этой тенденцией.* Например, после речи Путина на заседании Валдайского клуба в 2013 году в американских СМИ были подвергнуты жесткой критике все консерваторы, которые позитивно откликнулись на обращение президента России к христианским ценностям Запада и Европы[1]. Начиная с весны 2014 года либеральные СМИ в США и Великобритании уделяют много внимания разоблачению «европейских союзников Кремля», например, французского Национального фронта и венгерской партии «Йоббик».

Не исключено, что усилия либерального истеблишмента США, контролируемых им масс-медиа и его союзников в Европе остановят распространение симпатий к России среди западных консерваторов. Но *сам факт продолжающейся идеологической кампании, направленной на подавление пророссийских настроений в консервативной среде, указывает на серьезные опасения роста симпатий традиционалистского большинства к Путину и России*.

Западная критика претензий России и Путина на роль «мирового консервативного лидера», стоящего на страже интересов всемирного большинства, идет по нескольким основным направлениям[2].

Разоблачение «мифа о религиозности в России». Доказывается, что российское население глубоко поражено наследием советского атеизма, уровень его религиозности крайне низкий, поэтому претензии «кремлевской пропаганды» говорить о консервативной России не имеют под собой основания. Уже даже используется специальный термин «потемкинская религиозность» (Potemkin religiosity).

Дискредитация Русской православной церкви. Подчеркивается, что западные консерваторы не понимают ситуации в России, где якобы нет свободы религиозного самовыражения, государство и РПЦ образуют «корпоративный симбиоз», а религиозные меньшинства «подвергаются гонениями».

Раскрутка тезиса о «преследовании сексуальных меньшинств» в России. Акцент делается на том, что поддержка Путина кем-либо на Западе объективно означает поддержку «государственных репрессий против меньшинств», в первую очередь против ЛГБТ-сообщества. Таким образом, консервативным силам дается сигнал, что открытая солидарность с Россией создаст поводы для обвинения их в нетерпимости к сексуальным меньшинствам.

Отождествление поддержки России и Путина с враждебностью к свободе и демократии. Идет открытое запугивание тех сторонников консервативных взглядов, которые симпатизируют нашей стране. Их предупреждают, что поддержка «диктатора» Путина консервативными силами на Западе позволит либеральным СМИ обвинить их в ненависти к свободе и демократии.

Навязывание идеи о России как «реинкарнации СССР и советской системы». Учитывая негативное отношение консерваторов к коммунизму, продвигается тезис, согласно которому президент В. Путин якобы стремится возродить СССР и советскую общественную систему. Очевидно, что усилия по созданию «всемирного консервативного интернационала» под эгидой России будут тем менее успешны, чем больше она будет напоминать СССР западным (особенно американским) консерваторам.

Как представляется, пока не сформировано определенное согласованное мнение по поводу стремления России к статусу «мирового консервативного лидера» и ее возможных сторонников на Западе. Вместе с тем истеблишменту Запада очевидно, что наличие у России сколько-нибудь значимого количества сторонников из числа граждан западных государств – это серьезный ресурс России. В настоящее время обсуждаются *две основные стратегии противодействия идеологической экспансии России*.

[1] Особенно упомянутые выше Бьюкенен, Дрейер и Фишер.

[2] *Young, Cathy.* Vladimir Putin is No Ally for The Right // The Boston Globe, 21.08.2013.

Во-первых, своего рода *«новый маккартизм»*[1]. Речь идет об организации прямых и косвенных гонений на пророссийски настроенную часть консерваторов в западных странах с целью маргинализовать их повестку и свести к минимуму их политическое влияние. К выбору этого варианта склоняется администрация Обамы и близкие к ней либеральные элиты США. Если такая стратегия будет взята на вооружение, мы увидим форсированное насаждение либеральной постхристианской повестки и дискредитацию всеми способами идеологических оппонентов «неограниченной свободы и толерантности».

Уже в 2013 году критические тексты в американских СМИ о пророссийских симпатиях западных консерваторов по жанру напоминали доносы. После начала украинского кризиса исчезли последние ограничения в этом отношении. Так, один из рупоров «нового маккартизма», леволиберальное издание “The Daily Beast”, укомплектованное бывшими неоконсерваторами, ведет систематическую кампанию по «разоблачению» тех, кто сочувствует России и Путину. На страницах издания перечисляются имена и «проступки» сторонников консерватизма, их обвиняют в том, что они фактически являются агентами влияния «Владимира Путина и консервативного интернационала»[2].

Во-вторых, *развертывание «борьбы за консерватизм»*. В целостном виде эта предполагаемая стратегия изложена в тексте американского исследователя Джона Шиндлера «Обама не видит истинной идеологии Путина»[3]. По мнению Шиндлера, нынешний президент США, его администрация и западные либеральные элиты исповедуют принципы индивидуализма и секуляризма. Они просто не понимают того, что большая часть населения планеты (в том числе многие граждане самих западных стран) придерживаются совсем иных принципов организации общественной жизни. Условно говоря, венгерский националист из партии ФИДЕС может не любить Россию, но его взгляды на семейные ценности ближе к Путину, чем к Обаме.

Шиндлер полагает, что если США намереваются начать новую «холодную войну» с Россией, Белому дому следует осознать: экспорт социальных и сексуальных стандартов принесет больше вреда, чем пользы; навязывать незападным странам западные либеральные принципы организации общества и семьи – контрпродуктивно. США следует оставить «за скобками» международной и внутренней политики леволиберальную повестку (в первую очередь отношение к сексуальным меньшинствам) и вместо этого перехватить у России часть консервативной повестки, прежде всего тему защиты суверенитета других стран. По оценке Шиндлера, *отказ Запада от навязывания миру своих постхристианских социальных и сексуальных норм и его поворот к более сдержанной, консервативной внутренней политике поставят Россию в очень сложное положение.* В этом случае Россия может лишиться значительной части аргументов воздействия на консервативно настроенное мировое большинство как в незападных, так и в западных странах.

[1] Маккартизм – эпоха сенатора Дж. Маккарти, который в 1950–1954 годах руководил комиссией Конгресса США по расследованию «антиамериканской деятельности». На этом посту Маккарти подверг различным гонениям большое число левых американских политиков, общественных и культурных деятелей, обвиняя их в симпатиях к коммунизму, в подрывной деятельности и в шпионаже в пользу СССР.

[2] *Kirchick, James.* Why American Social Conservatives Love Anti-Gay Putin // The Daily Beast, 01.08.2013.

[3] *Schindler, John.* Obama is Blind to Putin’s True Ideology // Business Insider, 07.04.2014.